

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс
(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Отражение конституционных принципов правосудия в уголовно-процессуальном праве»

Обучающийся

Е.А. Иванова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретико-правовые основы конституционных принципов правосудия и их значение для уголовного судопроизводства.....	9
1.1 Понятие, система и юридическая природа принципов правосудия в Конституции РФ	9
1.2 Верховенство и прямое действие Конституции РФ: гарантии реализации принципов правосудия в правовой системе.....	20
1.3 Функции и значение конституционных принципов правосудия в механизме уголовно-процессуального регулирования	29
Глава 2 Отражение и реализации конституционных принципов правосудия в нормах уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и судебной практике.....	35
2.1 Законность: пределы усмотрения законодателя и правоприменителя в уголовном процессе.....	35
2.2 Осуществление правосудия только судом и независимость судей: проблемы обеспечения на досудебных и судебных стадиях	47
2.3 Состязательность и равноправие сторон: роль прокурора и защиты	55
Глава 3 Направления совершенствования реализации конституционных принципов правосудия в уголовно-процессуальном праве	65
3.1 Устранение нормативных противоречий и пробелов, препятствующих полной реализации принципов правосудия	65
3.2 Формирование правоприменительных подходов, обеспечивающих приоритет конституционных принципов в деятельности органов уголовного преследования и судов	77
Заключение	83
Список используемой литературы и используемых источников	85

Введение

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию правовым государством (ст. 1), где человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Гарантом защиты этих прав в сфере уголовного судопроизводства выступают закрепленные в Конституции Российской Федерации основополагающие принципы правосудия: законность (ст. 15), осуществление правосудия только судом (ст. 118), независимость судей (ст. 120), состязательность и равноправие сторон (ст. 123), презумпция невиновности (ст. 49), право на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48), гласность судебного разбирательства (ст. 123), недопустимость повторного осуждения (ст. 50) и др.

Эти принципы имеют высшую юридическую силу и прямое действие, что означает их обязательность для всех ветвей власти, в том числе для законодателя при формировании отраслевого законодательства, и для правоприменителей при отправлении правосудия. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации как кодифицированный акт, регулирующий порядок уголовного судопроизводства, призван быть наиболее полным и точным отражением этих конституционных начал.

Актуальность изучения отражения конституционных принципов правосудия в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации обусловлена комплексом теоретических и правовых факторов, определяющих современное развитие российской юридической науки и законодательства. Среди теоретических факторов следует выделить необходимость системного анализа взаимодействия конституционного и уголовно-процессуального права как взаимосвязанных элементов правовой системы, а также сохранение в научной доктрине дискуссий о содержании и иерархии самих принципов правосудия. К правовым факторам относятся верховенство и прямое действие Конституции Российской Федерации, обязывающее правоприменителя руководствоваться ее принципами, а также постоянное реформирование

уголовно-процессуального законодательства, требующее постоянной сверки новых процессуальных механизмов с конституционными основаниями. Кроме того, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, раскрывающие содержание этих принципов, требуют их последовательной имплементации в уголовное судопроизводство.

Тема отражения конституционных принципов в праве является разработанной в общетеоретическом плане, но сохраняющей потенциал для более глубокого и системного исследования применительно к уголовно-процессуальной сфере.

В качестве объекта исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства, урегулированные нормами конституционного и уголовно-процессуального права Российской Федерации.

Предмет исследования – конституционные принципы правосудия, их нормативное закрепление и реализация в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации.

Изучение указанных объекта и предмета в их системной взаимосвязи позволяет выдвинуть центральную гипотезу исследования: несмотря на провозглашенное верховенство Конституции РФ, отражение её принципов правосудия в уголовно-процессуальном праве носит фрагментарный и противоречивый характер, что системно проявляется в правоприменительной практике и снижает эффективность гарантий прав личности.

Для раскрытия темы исследования в качестве цели магистерской диссертации определено на основе комплексного анализа конституционных принципов правосудия и их отражения в нормах уголовно-процессуального права Российской Федерации выявить теоретические и практические проблемы реализации данных принципов и разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики для обеспечения их полной и эффективной реализации.

Для достижения цели работы перед нами были поставлены следующие задачи:

- раскрыть понятие, систему и юридическую природу конституционных принципов правосудия;
- проанализировать верховенство и прямое действие Конституции РФ как гарантии реализации принципов правосудия в правовой системе.
- исследовать функции и значение конституционных принципов правосудия в механизме уголовно-процессуального регулирования.
- выявить пределы усмотрения законодателя и правоприменителя при реализации принципа законности в уголовном процессе.
- оценить степень обеспечения принципов осуществления правосудия только судом и независимости судей на досудебных и судебных стадиях;
- определить содержание и проблемы реализации принципов состязательности и равноправия сторон, с учетом роли прокурора и защиты;
- разработать предложения по устранению нормативных противоречий и пробелов, препятствующих полной реализации принципов правосудия;
- сформулировать рекомендации по формированию правоприменительных подходов, обеспечивающих приоритет конституционных принципов в деятельности органов уголовного преследования и судов.

Методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и частно-научные методы познания. В работе применялись: диалектический метод, позволивший проанализировать развитие конституционных принципов в их взаимосвязи с уголовно-процессуальным правом; формально-юридический метод, использованный для анализа нормативных предписаний; сравнительно-правовой метод, примененный для сопоставления конституционных норм с положениями УПК РФ; системный

метод, способствовавший исследованию принципов правосудия как целостной системы; а также методы правового моделирования и интерпретации, использовавшиеся для формулирования предложений по совершенствованию законодательства и анализа судебной практики.

Глубокий анализ выбранной темы исследования возможен в силу её разработанности в научной литературе. Значительный вклад в разработку проблематики конституционных принципов правосудия внесли труды видных российских ученых, среди которых И.Л. Петрухин, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, чьи работы заложили теоретико-правовой фундамент для понимания системы уголовного судопроизводства.

Вопросам прямого действия Конституции РФ и верховенства конституционных норм посвящены исследования таких авторов, как В.Д. Зорькин и Б.С. Эбзеев. Сущность и гарантии независимости судебной власти всесторонне раскрыты в трудах В.М. Лебедева и Т.Г. Морщаковой.

При рассмотрении отраслевого преломления общих принципов особого внимания заслуживают работы М.И. Клеандрова, акцентирующего взаимосвязь правосудия и справедливости, а также К.Б. Калиновского, детально анализирующего проблемы реализации принципа состязательности в уголовном процессе. Современные аспекты реализации конституционных начал в уголовно-процессуальном праве нашли отражение в публикациях Е.В. Виноградовой, М.А.-С. Зангиева и Д.А. Селихова.

Неоспоримую ценность для исследования представляют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, систематизированные в научных комментариях и трудах, которые позволяют проследить практическое воздействие конституционных норм на уголовно-процессуальное регулирование.

Вместе с тем, нормативно-правовую основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «О судах

общей юрисдикции в Российской Федерации, Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и другие.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу отражения конституционных принципов правосудия в уголовно-процессуальном праве. В работе не только систематизируются существующие правовые позиции, но и выявляется системный характер противоречий между конституционными нормами и их отраслевой имплементацией. В научный оборот вводится авторская классификация типичных нарушений принципов правосудия на различных стадиях уголовного процесса, а также разрабатываются конкретные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на преодоление выявленной фрагментарности в реализации конституционных гарантий. На защиту выносятся следующие положения, отражающие научную новизну и основные результаты проведенного исследования.

Отражение конституционных принципов правосудия в УПК РФ носит системно-фрагментарный характер, что проявляется в отсутствии целостного механизма их реализации и порождает устойчивые противоречия в правоприменительной практике.

Реальное содержание принципов состязательности и равноправия сторон (ст. 123 Конституции РФ) искажается на досудебных стадиях уголовного процесса из-за законодательно закрепленного дисбаланса процессуальных возможностей защиты и обвинения. Вместе с этим, в УПК РФ выявлены конкретные нормативные пробелы и коллизии, которые препятствуют полной реализации конституционных принципов правосудия.

Разработан комплекс законодательных изменений и правоприменительных рекомендаций, направленных на преодоление выявленных системных противоречий и обеспечение прямого действия конституционных гарантий в уголовном судопроизводстве.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она изучает связь между нормами Конституции Российской Федерации и уголовно-

процессуального права. Конституционные принципы (например, законность, состязательность) являются основой для всего уголовного процесса. Однако их реализация в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не всегда однозначна, что порождает научные дискуссии. Таким образом, работа способствует систематизации знаний о принципах правосудия и их роли в правовой системе.

Практическая значимость состоит в том, что выводы исследования могут помочь в совершенствовании законодательства и правоприменительной практике. Четкое понимание содержания конституционных принципов позволяет правильно толковать процессуальные нормы, устранять противоречия и укреплять гарантии прав граждан в уголовном процессе. Это особенно важно для обеспечения справедливого судебного разбирательства и повышения доверия к правосудию.

Структура работы отвечает задачам и целям исследования, состоит из введения, трех глав, логически разделенных на восемь параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 закладывает теоретический фундамент, отвечая на вопросы «что такое конституционные принципы», «каков их статус и роль в правовой системе и уголовном процессе». Глава 2 представляет собой аналитическую часть исследования, в которой проводится критическая оценка соответствия норм УПК РФ конституционным принципам и исследуются проблемы их практической реализации на основе анализа действующего законодательства и судебной практики. Глава 3 направлена на разработку научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в целях обеспечения адекватного отражения и эффективной реализации конституционных принципов правосудия.

Заключение обобщает ключевые результаты исследования, подтверждает достижение поставленной цели и формулирует основные выводы.

Глава 1 Теоретико-правовые основы конституционных принципов правосудия и их значение для уголовного судопроизводства

1.1 Понятие, система и юридическая природа принципов правосудия в Конституции РФ

Конституционные принципы правосудия составляют фундамент всей судебной системы Российской Федерации, определяя основные начала организации и деятельности органов судебной власти. Их значение особенно велико в уголовном судопроизводстве, поскольку именно они определяют ключевые аспекты процессуальной деятельности, гарантируют защиту прав и свобод личности, обеспечивают баланс публичных и частных интересов. В условиях функционирования современной правовой системы, характеризующейся динамичным развитием законодательства и усложнением общественных отношений, исследование конституционных принципов правосудия приобретает особую актуальность. Теоретико-правовой анализ этих принципов позволяет не только глубже понять их сущность и системные взаимосвязи, но и выявить проблемные аспекты их реализации в уголовно-процессуальной деятельности.

Анализ научной литературы показывает, что проблема конституционных принципов правосудия находится в поле зрения многих отечественных правоведов. В трудах таких ученых как Е.Э. Рабзевич, Г.М. Резник, Л.А. Воскобитова исследуются различные аспекты реализации этих принципов в уголовном судопроизводстве. Особого внимания заслуживает работа Е.Э. Рабзевич «Современные судебные правовые позиции в системе уголовно-процессуального права Российской Федерации», в которой автор анализирует роль судебного толкования в применении конституционных принципов [65].

Так, в юридической науке к настоящему моменту сложилось несколько подходов к пониманию природы и системы конституционных принципов правосудия:

- нормативный,
- функциональный,
- интегративный.

Нормативный подход рассматривает право как систему регулирующих человеческое поведение правил, исходящих от государства и охраняемых им. Этот подход основывается на теории позитивного права, отождествляющего право и закон. Государственная власть рассматривается как единственный источник права, а права человека признаются лишь в силу их закрепления в актах государства, а не в силу природной сущности человека

Г.Ф. Шершеневич, выдающийся российский правовед, являлся ярким представителем нормативного подхода. Он рассматривал право как «приказ Суверена» (главы государства), подчеркивая неразрывную связь права и государства [96]. В своих трудах он описывал то, что государство является единственным субъектом, создающим право, и поэтому нет особой надобности в разграничении понятий «право» и «закон», поскольку и то, и другое является продуктом воли государства [54].

Н.М. Коркунов, хотя и придерживался в целом позитивистской ориентации, в своих «Лекциях по общей теории права» несколько отошел от классического нормативизма. Он указывал на социальную природу права и его роль в разграничении интересов, что предвосхищало некоторые идеи социологического подхода [35]. Тем не менее, его взгляды оставались в рамках представления о праве как о системе норм, исходящих от государства.

В наши дни нормативный подход продолжает оказывать значительное влияние, особенно в деятельности правоохранительных органов, где право часто отождествляется с текстом закона. Однако он подвергается критике за то, что признает правом только то, что исходит от государства, отрицая

естественные неотъемлемые права человека, и за создание иллюзии, что принятие закона достаточно для решения любых социальных проблем.

Таким образом, нормативный подход ориентирован на формальное закрепление принципов в нормах Конституции РФ и отраслевого законодательства. В таблице 1 приведены результаты анализа особенностей нормативного подхода к пониманию природы и системы конституционных принципов правосудия.

Таблица 1 – Сильные и слабые стороны нормативного подхода

Сильные стороны	Слабые стороны
Фиксирует границы дозволенного и запрещенного поведения через нормы права	Признает правом только то, что исходит от государства, отрицая естественные права человека
Указывает на прямую связь права и государства, его общеобязательность	Подчеркивает роль субъективного фактора в формировании права, создавая иллюзию достаточности закона для решения социальных проблем
Подчеркивает формальную определенность права, находящую выражение в нормативных актах	Не раскрывает действие права, его движущие силы и связь с общественными отношениями
Позволяет рассматривать право как принудительный порядок, установленный государством	Отождествляет право с формой его выражения – законодательством

Функциональный (или социологический) подход сложился во второй половине XIX века как реакция на ограниченность нормативизма. Он был направлен на познание права как социального явления, относительно независимого от государства. Этот подход рассматривает принципы как руководящие идеи, которые реализуются в практической деятельности судов.

С.А. Муромцев, видный российский правовед, был одним из основоположников социологического направления в праве. В работе «Определение и основное разделение права» он рассматривал право прежде всего как совокупность правовых отношений (правовой порядок).

С.А. Муромцев утверждал, что право возникает непосредственно в обществе, а нормы закона лишь фиксируют уже сложившиеся отношения [48]. Он различал «право в собственном смысле» (сложившийся правопорядок) и «юридические нормы» (законы), которые являются лишь одним из источников права [17].

Н.К. Ренненкампф и другие дореволюционные юристы также развивали идеи социологической школы, акцентируя внимание на реальном функционировании права в обществе, а не только на его формальном выражении [66].

В советское время, несмотря на доминирование догматического нормативизма, отдельные ученые, такие как П.И. Стучка и Е.Б. Пашуканис, развивали идеи, близкие к социологическому подходу. Пашуканис, в частности, в своей теории «товарного обмена» рассматривал право как форму, возникающую из общественных отношений, а не только как приказ государства [9].

В современной России социологический подход находит отражение в исследованиях, посвященных правовой жизни, эффективности законодательства, правоприменительной практике и роли судебного прецедента.

Интегративный подход (интегративная концепция права) представляет собой попытку преодоления крайностей традиционных типов правопонимания и целостного органического синтеза различных подходов [15]. Однако этот подход не является смешением разных взглядов, а представляет собой логическое продолжение и развитие широкого понимания права на более высокой ступени единства юридических концепций в понимании природы и системы конституционных принципов правосудия.

С.С. Алексеев, известный российский правовед, рассматривал право в трех основных образах:

- общеобязательные нормы, законы, деятельность судебных и других юридических учреждений (реалии практической жизни);

- особое сложное социальное образование (как государство, искусство, мораль);
- явление мирового порядка – одно из проявлений жизни людей [80].

Такой взгляд позволяет интегрировать нормативный, социологический и ценностный (естественно-правовой) аспекты права.

В современной российской науке активно развиваются интегративные концепции. Как отмечает Ю.А. Гаврилова, интегративное правопонимание должно признаваться как единство и взаимосвязь познавательной многогранности и онтологической (бытийной) целостности права [15].

Однако следует отметить, что интегративный подход встречает и критику. Например, профессор А.Ф. Черданцев отрицает его за «ошибочность и противоречие объективному, научному подходу», противопоставляя ему плюрализм методов познания права [92].

Таким образом, интегративный подход сочетает нормативные и функциональные аспекты, рассматривая принципы как системное образование, определяющее основы организации и деятельности судебной власти.

Анализ нормативного, функционального и интегративного подходов к пониманию правовой природы и системы конституционных принципов правосудия демонстрирует эволюцию отечественной юридической мысли от абсолютизации государственного начала к признанию сложной природы права. Каждый из подходов акцентирует внимание на различных аспектах правовой реальности: нормативный – на формальной определенности и системности, функциональный – на социальной обусловленности и эффективности, интегративный – на целостности и ценностном измерении.

В таблице 2 приведены результаты сравнительной характеристики подходов к правопониманию.

Зарубежный опыт показывает, что в различных правовых системах конституционные принципы правосудия могут иметь специфическое содержание и механизмы реализации. Например, в странах англосаксонской

правовой семьи большее значение придается прецедентному характеру закрепления принципов, тогда как в романо-германской системе доминирует нормативный подход. Однако наблюдается и универсализация некоторых принципов, связанная с процессами международной интеграции и гармонизации правовых стандартов [100].

Таблица 2 – Сравнительная характеристика подходов к правопониманию

Критерий	Нормативный подход	Функциональный (социологический) подход	Интегративный подход
Основной объект	Норма права, закон	Правоотношение, реальное поведение	Единство норм, идей, отношений и ценностей
Источник права	Государство	Общество, социальные отношения	Множественность источников (государство, общество, природа человека)
Соотношение права и закона	Тождество	Закон может не совпадать с правом	Закон – одна из форм выражения права, которое шире закона
Методологическая основа	Юридический позитивизм	Социология, реализм	Синтез методов, философия, системный анализ
Ключевые представители в России	Г.Ф. Шершеневи, Н.М. Коркунов	С.А. Муромцев, Н.К. Ренненкампф	С.С. Алексеев, современные разработчики интегративных концепций

Проведенный анализ методологических подходов к пониманию природы и системы конституционных принципов правосудия создает необходимую теоретико-методологическую основу для перехода к исследованию содержания и взаимосвязи основных категорий и понятий исследуемой проблематики.

Выявление сущностных характеристик каждого подхода позволяет систематизировать категориальный аппарат исследования и определить методологические ориентиры для анализа содержания конституционных принципов правосудия. Как справедливо отмечает С.А. Муромцев, «право возникает непосредственно в обществе, а нормы закона лишь фиксируют уже сложившиеся отношения» [48], что особенно актуально для понимания природы конституционных принципов, которые часто формулируются на основе уже сложившейся правоприменительной практики.

Нормативный подход, акцентирующий внимание на формальном закреплении принципов в тексте Конституции Российской Федерации и отраслевого законодательства, предоставляет инструментарий для анализа их не допускающего сомнения содержания. Этот подход позволяет выявить систему конституционных принципов через их нормативно закреплённое выражение в статьях 10, 45-55, 118, 123 Конституции Российской Федерации и проследить их нормативное развитие в уголовно-процессуальном законодательстве.

Функциональный подход ориентирует исследование на анализ реального содержания принципов правосудия, проявляющегося в правоприменительной практике. Этот подход, восходящий к идеям С.А. Муромцева о праве как совокупности правовых отношений, позволяет исследовать, как конституционные принципы реализуются в конкретных уголовных делах, как они интерпретируются судами и как влияют на принятие процессуальных решений.

Интегративный подход, наиболее полно разработанный в трудах С.С. Алексеева, предоставляет методологическую основу для цельного понимания содержания конституционных принципов как единства нормативной формы, социального содержания и ценностного значения. Этот подход позволяет преодолеть ограниченность первых двух подходов и исследовать конституционные принципы как многогранное явление.

Принципы правосудия в конституционном понимании – это закрепленные в Конституции Российской Федерации основополагающие идеи, определяющие сущность, содержание и формы осуществления судебной власти. Эти принципы имеют нормативно-обязательный характер и обеспечивают единство правового регулирования судебной деятельности.

Понятие «принципов правосудия» в отечественной юридической науке не имеет единого понимания и интерпретируется исследователями через различные методологические подходы. Многозначность данного понятия обусловлена сложностью феномена правосудия, его многогранностью и динамизмом развития. Как отмечает профессор Н.Н. Апостолова, «дискуссия о понятии принципов правосудия продолжается на протяжении нескольких десятилетий, что свидетельствует о теоретической и практической значимости этой категории» [3].

Например, М.И. Клеандров акцентирует внимание на нормативной природе принципов: «принципы правосудия – это установленные государством в законодательстве основополагающие нормы, определяющие сущность и содержание правосудия» [28].

А.Ф. Изварина подчеркивает их системообразующую функцию: «принципы представляют собой каркас всей системы правосудия, его несущую конструкцию» [23].

В.А. Терехин обращается к функциональному аспекту: «принципы правосудия – это не только формальные предписания, но и реальные ориентиры судебной деятельности, складывающиеся в практике» [82].

Ю.А. Гаврилова обосновывает необходимость интегративного понимания: «принципы правосудия должны исследоваться как единство нормативной формы, социального содержания и ценностного значения» [15].

И.Л. Петрухин рассматривает принципы как «нормативное выражение правовых ценностей, обеспечивающих справедливость судебного разбирательства» [33].

Анализ различных подходов к понятию «принципов правосудия» демонстрирует эволюцию научной мысли от узкого, нормативно ориентированного, понимания к комплексному интегративному подходу. Современная юридическая наука рассматривает принципы правосудия как многогранное явление, включающее:

- нормативное закрепление в законодательстве;
- реальное функционирование в судебной практике;
- ценностное содержание, выражающее идеи справедливости и правового государства;
- системный характер, проявляющийся во взаимосвязи и взаимодополняемости различных принципов.

Такой интегративный подход позволяет преодолеть ограниченность отдельных научных направлений и создать целостное представление о природе и сущности принципов правосудия, что имеет важное значение как для теоретических исследований, так и для практики отправления правосудия.

Как отмечается в исследованиях, проведенных на основе анализа ст. 118 Конституции РФ (например, в сравнительно-правовом анализе узкого и широкого понимания юридического процесса Н.С. Романенко [67] или статье Е.В. Михайловой «О единой правовой природе гражданского, уголовного и административного судопроизводства» [45]), правосудие в России осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Это положение подчеркивает исключительную роль судебной власти в разрешении правовых споров и применении мер государственного принуждения.

Д.А. Селиховым была подробно рассмотрена система конституционных принципов правосудия, которая включает в себя:

- законность (ст. 15 Конституции РФ);
- осуществление правосудия только судом (ст. 118 Конституции РФ);
- независимость судей (ст. 120 Конституции РФ);
- гласность судебного разбирательства (ст. 123 Конституции РФ);

- состязательность и равноправие сторон (ст. 123 Конституции РФ);
- равенство всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) [73].

Принцип законности является основополагающим принципом отправления правосудия. Профессор В.К. Пучинский подчеркивал, что «принцип законности является рядовым принципом и одновременно он как никакой другой гарантирует эффективность всех остальных начал судопроизводства» [64]. Согласно позиции ученых-процессуалистов советского периода, этот принцип представляет собой требование осуществления правосудия в полном соответствии с законом, при строжайшем соблюдении судом всех процессуальных норм.

Принцип осуществления правосудия только судом означает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Как отмечается в правовых позициях Конституционного Суда РФ, правосудие является важнейшей разновидностью государственной деятельности по защите нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов [52].

Принцип независимости судей означает, что любой судья правомочен принимать любое решение, если оно основано на законе и соответствует общим принципам права. Этот принцип включает два элемента: запрет любого воздействия на судей и обязанность судьи подчиняться только закону.

Принцип равенства всех перед законом и судом означает, что каждый участник судопроизводства имеет одинаковые права и несет идентичные процессуальные обязанности, независимо от своего социального положения, пола, расы и других характеристик. Суды не отдают предпочтение каким-либо органам, лицам, участвующим в процессе сторонам по признаку их государственной, социальной, половой, расовой, национальной, языковой или политической принадлежности [86].

Принцип состязательности и равноправия сторон является основополагающим принципом организации судопроизводства, согласно которому стороны (истец и ответчик, обвинение и защита) должны быть равны

в своих правах по предоставлению доказательств, заявлению ходатайств, обжалованию действий и бездействий должностных лиц

Принцип гласности означает, что заседания во всех судах проводятся открыто и в них может в качестве зрителя участвовать любой желающий. Разбирательство дел в судах общей юрисдикции открытое, а слушание дела в закрытом заседании допускается только в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Важной особенностью конституционных принципов является их системный характер, который проявляется в том, что они не действуют изолированно, а образуют целостное единство, усиливая и дополняя друг друга. Например, принцип независимости судей тесно связан с принципом законности, а принцип состязательности - с принципом равноправия сторон.

Между тем, в научной литературе дискутируется вопрос о соотношении принципов правосудия и принципов судопроизводства. Как справедливо отмечает профессор В.М. Шерстюк, «правосудие» и «судопроизводство» – это категории, которые повседневно используются в процессуальных отраслях законодательства, но о соотношении этих понятий до сих пор нет единой позиции среди процессуалистов [95]. Действительно, Конституция РФ не содержит норм, определяющих содержание и сущность правосудия, ограничиваясь указанием на его цель – защиту прав и свобод человека и гражданина.

В заключение следует отметить, что конституционные принципы правосудия являются развивающимся институтом, который адаптируется к изменяющимся социальным условиям, сохраняя при этом свою фундаментальную сущность. Их дальнейшее исследование и совершенствование механизмов реализации будет способствовать укреплению законности и повышению эффективности правосудия в сфере уголовного судопроизводства.

1.2 Верховенство и прямое действие Конституции РФ: гарантии реализации принципов правосудия в правовой системе

Верховенство Конституции Российской Федерации закреплено в ст. 15 Основного закона, которая устанавливает, что Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации.

Если в предыдущем параграфе мы рассмотрели понятие, систему и юридическую природу принципов правосудия, то теперь переходим к анализу механизмов их обеспечения через конституционно-правовые институты верховенства и прямого действия Основного закона. Эти институты не только закрепляют формальные основания для действия принципов правосудия, но и создают реальные возможности их непосредственной реализации в правоприменительной практике, что особенно значимо для уголовного судопроизводства, где соблюдение конституционных норм непосредственно влияет на защиту прав и свобод личности.

Как отмечает А.Г. Самусевич, «прямое действие конституции, прежде всего, выступает как свойство, а в какой-то мере – и принцип конституции. В свою очередь, конституционное правоприменение – это явление более широкого порядка, представляющее из себя форму реализации статей конституции» [71]. Это положение имеет принципиальное значение для понимания механизма действия конституционных принципов правосудия, которые получают свою реализацию через непосредственное применение конституционных норм в судебной практике.

Проблемы его реализации нашли широкое отражение в трудах отечественных ученых, в том числе таких как «Верховенство Конституции на территории Российской Федерации и проблема иерархии источников конституционного права Российской Федерации» за авторством А.В. Меркуловой [43] и «К вопросу о верховенстве Конституции Российской Федерации за авторством А.А. Михайловой и А.В. Виссарова [44].

Авторы анализируют научные подходы к понятию верховенства Конституции и предлагают комплексное определение, включающее:

- высшую юридическую силу по отношению к другим нормативным актам;
- прямое действие на всей территории РФ;
- распространение на всех физических и юридических лиц.

Таким образом, верховенство Конституции проявляется в нескольких аспектах – иерархическом, содержательном, и функциональном.

Иерархический аспект верховенства Конституции заключается в ее высшей юридической силе по отношению ко всем иным нормативным правовым актам. Это означает, что любые законы, подзаконные акты, акты субъектов Федерации не должны противоречить Конституции.

Позиция Б.А. Страшуна подчеркивает, что верховенство Конституции означает не только соответствие ей нормативных актов, но и соответствие любых действий органов власти или должностных лиц [79].

И.А. Конюхова указывает на то, что «все остальные законы и иные правовые акты принимаются в соответствии и во исполнение Конституции страны и не должны ей противоречить» [32].

В.В. Лазарев рассматривает верховенство как прямое проявление высшей юридической силы Конституции РФ, что обеспечивает ее приоритет в правовой системе [49].

Кроме того, этот аспект находит свое нормативное закрепление в ч. 1 ст. 15 Конституции РФ и обеспечивается деятельностью Конституционного Суда РФ, который признает не соответствующие Основному закону акты недействующими

Содержательный аспект проявляется в том, что конституционные нормы закладывают фундаментальные основы всей правовой системы, включая сферу правосудия. Они определяют его цели, задачи и основные параметры.

Как отмечается в научной литературе, Конституция содержит нормы-принципы, нормы-цели, которые определяют основные направления развития

общества и государства, включая сферу правосудия. Например, провозглашение России правовым государством (ст. 1 Конституции РФ) задает вектор для всего последующего правового регулирования.

В.Д. Зорькин подчеркивает, что Конституция не только закрепляет прочные государственные конструкции, но и сохраняет пространство для свободы внутри них, что в полной мере относится и к сфере правосудия [21].

Функциональный аспект верховенства Конституции означает, что все органы государственной власти, включая суды, обязаны действовать в строгом соответствии с конституционными предписаниями. Их деятельность должна быть направлена на реализацию закрепленных в Конституции ценностей и принципов.

Таким образом, все три аспекта верховенства Конституции РФ – иерархический, содержательный и функциональный – тесно взаимосвязаны и находят свое подтверждение в трудах отечественных правоведов и решениях органов конституционной юстиции. Их реализация обеспечивает единство правового пространства, определяет содержание правосудия и гарантирует функционирование государственных органов в рамках конституционного поля.

Важной гарантией верховенства Конституции является установленный в ст. 3 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» механизм обеспечения соответствия регионального законодательства федеральному. Согласно этому положению, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить Конституции РФ, а в случае противоречия действуют положения Основного закона.

Особый интерес представляет вопрос о соотношении международных договоров и Конституции РФ. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. При этом, как отмечается в ст. 3 Закона «Об общих

принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», не допускается применение правил международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Это положение отражает эволюцию доктрины конституционного патриотизма в российском праве, предполагающего приоритет национальной конституционной идентичности над международно-правовыми нормами.

Е.В. Невинская отмечает, что верховенство Конституции «предстает как устанавливаемое и обеспечиваемое на всей государственной территории России <...> действие Конституции» [50]. Это означает, что все субъекты правоотношений, включая суды, обязаны руководствоваться ее нормами.

Важнейшая роль в обеспечении функционального аспекта верховенства Конституции отводится судебной власти. Суды обеспечивают непосредственное применение конституционных норм при разрешении конкретных дел, а Конституционный Суд РФ осуществляет контроль за соответствием законов Основному закону.

Как указал Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 31 октября 1995 г., суд применяет непосредственно Конституцию РФ, в частности, когда придет к выводу, что закон противоречит ей [61].

Таким образом, все три аспекта верховенства Конституции РФ – иерархический, содержательный и функциональный – тесно взаимосвязаны и находят свое подтверждение в трудах отечественных правоведов и решениях органов конституционной юстиции. Их реализация обеспечивает единство правового пространства, определяет содержание правосудия и гарантирует функционирование государственных органов в рамках конституционного поля.

Таким образом, верховенство Конституции РФ находит свое практическое воплощение в принципе прямого действия ее норм, который служит важнейшим механизмом реализации конституционных предписаний в правоприменительной деятельности. Если верховенство устанавливает

иерархическую позицию Основного закона в правовой системе, то прямое действие обеспечивает непосредственную реализацию конституционных норм, включая принципы правосудия, в практической деятельности судов.

Как отмечается в научных исследованиях, прямое действие Конституции означает, что суды могут применять ее нормы непосредственно при разрешении конкретных дел, особенно когда законодательные акты противоречат конституционным положениям или имеются пробелы в правовом регулировании [9]. Это особенно важно в уголовном судопроизводстве, где затрагиваются такие фундаментальные права как право на свободу и личную неприкосновенность, право на защиту и др.

Как подчеркивает В.Д. Зорькин, «прямое действие Конституции означает, что ее нормы действуют непосредственно и не требуют для своей реализации дополнительного законодательного опосредования» [49]. Это положение имеет особое значение для уголовного судопроизводства, где непосредственное применение конституционных норм позволяет обеспечить защиту прав и свобод личности даже при наличии пробелов в отраслевом законодательстве.

Принцип прямого действия Конституции, закрепленный в части 1 статьи 15, получает свое развитие в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации, который неоднократно указывал, что «конституционные нормы являются непосредственно действующими и могут применяться судами при разрешении конкретных дел» [61]. Это особенно важно для реализации таких принципов правосудия, как презумпция невиновности, состязательность сторон, право на защиту, которые, будучи закрепленными в Конституции, должны находить непосредственное применение в уголовном процессе.

Прямое действие Конституции проявляется в следующих формах:

- непосредственное применение конституционных норм судами при разрешении конкретных дел, особенно в случаях отсутствия отраслевого регулирования;

- истолкование отраслевых норм в соответствии с конституционными положениями;
- защита прав и свобод на основе непосредственного применения конституционных норм.

Одной из ключевых форм прямого действия Конституции является непосредственное применение ее норм судами при разрешении конкретных дел, особенно в случаях отсутствия отраслевого регулирования.

Б.С. Эбзеев подчеркивает, что разграничение прямого действия конституционных норм и их применения имеет особенно важное значение для адекватного определения механизма реализации конституционных обязанностей граждан [98]. Это указывает на необходимость четкого понимания условий и пределов непосредственного применения конституционных норм в судебной практике.

Другой важной формой прямого действия Конституции является истолкование отраслевых норм в соответствии с конституционными положениями. Как отмечается в исследовании конституционно-правового смысла, выявление конституционно-правового смысла норм происходит через толкование, в результате которого констатируется конституционность нормы [31]. Эта деятельность способствует конституционализации российского правопорядка и обеспечивает соответствие отраслевого законодательства конституционным предписаниям.

Ю.А. Тихомиров указывает на необходимость современной трактовки права, поскольку в фокусе внимания находится не один закон, а вся правовая система, описанная в конституционных контурах [83]. Это требует выхода за рамки традиционного представления о правоприменительной деятельности и учета конституционного измерения при толковании отраслевых норм.

И.И. Карташова проанализировала терминологию в данной сфере и пришла к выводу, что реализация конституционных норм является одной из форм действия Конституции, непосредственно и тесно связанной с фактическим правовым механизмом этого действия, образуя его

неотъемлемую структурную часть [27]. Это свидетельствует о том, что толкование отраслевых норм в конституционном контексте является важным элементом механизма прямого действия Конституции.

Третья форма прямого действия Конституции связана с защитой прав и свобод на основе непосредственного применения конституционных норм. Статья 18 Конституции РФ устанавливает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов. Это положение создает правовую основу для непосредственной защиты прав граждан через прямое применение конституционных норм.

Таким образом, прямое действие Конституции Российской Федерации проявляется в различных формах, каждая из которых получает свое обоснование в трудах отечественных правоведов. Эти формы взаимосвязаны и взаимодополняемы, образуя единый механизм обеспечения верховенства Конституции и защиты прав и свобод граждан.

Несмотря на четкое нормативное закрепление, реализация верховенства и прямого действия Конституции в сфере правосудия сталкивается с определенными проблемами.

Одной из таких проблем, как уже было упомянуто ранее, является проблема соотношения международного и национального права. В соответствии с статьей 15 Конституции РФ, «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы», что создает необходимость поиска баланса между международными стандартами и национальными интересами.

Второй, но не по значимости, является проблема обеспечения единообразия правоприменения, которая проявляется в том, что различные суды по-разному интерпретируют и применяют одни и те же конституционные нормы при аналогичных правовых ситуациях. Это создает риски нарушения

принципа равенства всех перед законом и судом и подрывает правовую определенность.

Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, единство судебной практики обеспечивается через четыре структурных компонента правопорядка:

- нормативно-правовой компонент (иерархизированная система права, подчиненная Конституции РФ);
- правоприменительный компонент (практика судебных органов единой судебной системы);
- политико-мировоззренческий компонент (правосознание, правовая культура, конституционно-правовое мировоззрение);
- доктринальный компонент (система правовых концепций и идей правотолковательного характера) [90].

На практике проблема единообразия подтверждается наличием противоречивых судебных решений по сходным категориям дел, что требует активной деятельности высших судебных органов по унификации практики. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в ряде постановлений, обеспечение единообразия в применении закона является необходимым условием выполнения судами своей конституционной функции.

Третья проблема – развитие процессуальных механизмов в условиях цифровизации. Цифровая трансформация правосудия создает новые вызовы для реализации прямого действия Конституции РФ. Развитие электронного судопроизводства требует адекватных процессуальных механизмов, обеспечивающих как эффективность правосудия, так и гарантии защиты конституционных прав участников процесса.

Как отмечает В.В. Момотов, термин «электронное правосудие» укоренился в российском правопорядке и понимается как способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационно-коммуникационных технологий и имеющий своей целью обеспечение гласности, открытости и доступности судопроизводства [14].

Однако технологические изменения опережают развитие процессуальных механизмов их регулирования.

Развитие электронного правосудия в России представляет собой сложный многолетний процесс, имеющий четко выраженные исторические этапы. Понимание данной эволюции является ключевым для осмысления современных вызовов цифровой трансформации судебной системы. Как верно отмечает В.А. Лаптев, становление электронного правосудия следует рассматривать как поэтапный процесс технологического и процессуального совершенствования, где каждый этап вносил свой вклад в формирование современной модели цифрового правосудия [90].

Таблица 3 отражает результаты исторического анализа развития этапов развития электронного правосудия в России.

Таблица 3 – Этапы развития электронного правосудия в России

Этап	Период	Основные характеристики
1 этап	50-70-е гг. XX в.	Появление концепции информатизации государственной власти
2 этап	80-е гг. XX в.	Закрепление идей электронного правосудия в правовых актах
3 этап	90-е гг. XX в.	Возникновение концепции электронного правительства
4 этап	начало XXI в.	Создание систем электронного правосудия
5 этап	2010-е гг. XXI в.	Разработка концепции, применение искусственного интеллекта

На практике проблема проявляется в недостаточной урегулированности вопросов использования электронных носителей информации как доказательств, проведения судебных заседаний с использованием видеоконференцсвязи, обеспечения конфиденциальности и безопасности «электронного» правосудия. Например, как отмечается в исследованиях,

возникают сложности с идентификацией лиц при подаче исковых заявлений в электронном виде, обеспечением надлежащего извещения участников процесса, использованием электронной цифровой подписи [92].

Выявленные проблемы носят системный характер и взаимосвязаны. Отсутствие единообразия в правоприменении усугубляется в условиях цифровизации, так как электронное правосудие создает новые процессуальные отношения, требующие единых подходов к регулированию. В то же время цифровизация предлагает новые инструменты для обеспечения единообразия, такие как автоматизированные системы анализа судебной практики.

В заключение следует отметить, что ключевое значение верховенства и прямого действия Конституции РФ проявляется в том, что они создают необходимые предпосылки для реализации конституционных принципов правосудия в уголовном судопроизводстве. Однако сами по себе эти гарантии были бы недостаточными без четкого понимания функционального назначения данных принципов в механизме уголовно-процессуального регулирования. Если верховенство Конституции обеспечивает нормативную основу для действия принципов правосудия, а прямое действие позволяет непосредственно применять конституционные нормы, то именно функции этих принципов определяют их практическую роль в организации уголовного процесса.

1.3 Функции и значение конституционных принципов правосудия в механизме уголовно-процессуального регулирования

Конституционные принципы правосудия выполняют системообразующую роль в механизме уголовно-процессуального регулирования, определяя основные параметры осуществления правосудия по уголовным делам. Настоящий раздел исследует функциональное назначение этих принципов в уголовном судопроизводстве. Конституционные принципы

не только задают общие ориентиры правового регулирования, но и непосредственно влияют на содержание уголовно-процессуальных норм.

Конституционные принципы правосудия выполняют в механизме уголовно-процессуального регулирования несколько важных функций, рассмотренных М.А.-С. Зангиевым [20].

Во-первых, это ориентационно-мировоззренческая функция, которая заключается в том, что конституционные принципы правосудия определяют стратегические цели и задачи уголовного судопроизводства, ориентируя законодателя и правоприменителя на необходимость обеспечения справедливого, законного и обоснованного разрешения уголовных дел. Как верно отмечает С.А. Виноградова, принципы правосудия формируют «понимание должного по наиболее важным аспектам правосудия» [12]. Они концентрируют в себе общечеловеческие ценности и идеалы, определяющие социальное назначение правосудия в демократическом обществе.

Во-вторых, это системообразующая функция, которая проявляется в том, что принципы правосудия обеспечивают единство и внутреннюю согласованность всего массива уголовно-процессуального законодательства. Они выступают каркасом, на котором строится вся система норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Статья 1 Уголовно-процессуального Российской Федерации прямо устанавливает, что порядок уголовного судопроизводства устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации. Это означает, что все процессуальные институты и отдельные нормы должны соответствовать.

В-третьих, это интерпретационная функция, которая выражается в непосредственном регулировании общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства и создании гарантий защиты прав и законных интересов участников процесса. Принципы независимости судей, их несменяемости и неприкосновенности создают необходимые условия для вынесения объективных и беспристрастных судебных решений, свободных от какого-либо постороннего влияния. Принципы гласности, состязательности и

равноправия сторон обеспечивают справедливую процедуру судебного разбирательства, создавая эффективные механизмы установления истины по делу и защиты прав личности.

В-четвертых, это компенсаторная функция, которая состоит в формировании у граждан уверенности в справедливости и неотвратимости наказания, укреплении авторитета судебной власти и правопорядка в целом. Открытость судебного разбирательства (за исключением случаев, предусмотренных законом) обеспечивает общественный контроль за работой судов и оказывает воспитательное воздействие на граждан [68].

Таким образом, функции конституционных принципов правосудия в уголовно-процессуальном регулировании носят комплексный и многоаспектный характер. Они не только формируют целевые ориентиры и обеспечивают системное единство отрасли, но и непосредственно регулируют правоотношения, создавая действенные гарантии защиты прав участников процесса и оказывая воспитательное воздействие на правовую культуру общества.

С другой стороны, многогранность функционального назначения конституционных принципов правосудия закономерно определяет их исключительное значение в механизме уголовно-процессуального регулирования, которое проявляется в конкретных практических аспектах воздействия на правовую систему и общественные отношения.

Как справедливо отмечается в научной литературе, назначение уголовного судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [18]. Это положение, закрепленное в ст. 6 УПК РФ [84], непосредственно вытекает из конституционных принципов правосудия и определяет их приоритет в уголовном процессе, что проявляется в нескольких ключевых аспектах.

Будучи закрепленными в Конституции РФ – акте высшей юридической силы, принципы правосудия являются универсальными и обязательными для всех участников уголовного судопроизводства на всей территории Российской Федерации. Согласно ст. 1 УПК РФ [84], установленный Кодексом порядок уголовного судопроизводства является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства. Это создает единое правовое поле для отправления правосудия.

Кроме того, в условиях динамичного развития общественных отношений и появления новых вызовов законодательство не всегда успевает адекватно реагировать на изменения. В таких ситуациях конституционные принципы правосудия, обладая прямым действием, непосредственно регулируют уголовно-процессуальные отношения. Они также служат ориентиром для правоприменителя при восполнении пробелов в праве и разрешении юридических коллизий.

Вместе с этим, Соответствие процессуальных действий и решений конституционным принципам правосудия является важнейшим критерием их законности и обоснованности. Нарушение этих принципов является безусловным основанием для отмены или изменения судебного решения. Как отмечает О.О. Цацалов, принципы правосудия являются «императивными правовыми требованиями к процедуре его осуществления, призванные гарантировать соблюдение прав и свобод личности и вынесение законных, обоснованных и справедливых судебных решений» [88].

Уголовное судопроизводство – это та сфера, где наиболее остро сталкиваются интересы государства в лице его правоохранительных органов в борьбе с преступностью и интересы личности, ее права и свободы. Конституционные принципы правосудия (состязательность, равноправие сторон, презумпция невиновности) служат важным инструментом поддержания справедливого баланса между этими интересами, не позволяя ни

унижать роль публичного начала, ни умалять права обвиняемого, потерпевшего и других участников процесса.

Таким образом, конституционные принципы правосудия выполняют в механизме уголовно-процессуального регулирования важнейшие функции, выступая системообразующим, ориентирующим и гарантирующим началом. Их значение невозможно переоценить: они не только определяют основы построения и направления развития уголовного процесса, но и обеспечивают его соответствие международным стандартам, защиту прав личности, эффективность и законность принимаемых решений, а в конечном счете – укрепление правопорядка и становление подлинно правового государства в России.

Проведенное в первой главе исследование теоретико-правовых основ конституционных принципов правосудия позволяет сформулировать следующие выводы.

Теоретический анализ показал, что конституционные принципы правосудия представляют собой основополагающие идеи, руководящие начала, закреплённые в Конституции РФ и обладающие высшей юридической силой, которые определяют сущность, содержание и направленность осуществления судебной власти в Российской Федерации. Они образуют целостную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, объединённых общими целями и задачами правосудия. Юридическая природа данных принципов характеризуется их нормативностью, универсальностью, высшей юридической силой и способностью к прямому действию.

Исследование подтвердило, что верховенство и прямое действие Конституции РФ выступают ключевыми гарантом реализации принципов правосудия в правовой системе. Верховенство Конституции обеспечивает единство правового пространства и иерархическую соподчинённость всех нормативных правовых актов конституционным предписаниям. Прямое действие конституционных норм позволяет применять принципы правосудия

непосредственно при разрешении конкретных юридических дел, особенно в ситуации пробелов или коллизий в отраслевом законодательстве.

Анализ функций и значения конституционных принципов правосудия в механизме уголовно-процессуального регулирования выявил их многогранную роль. Их функциональное значение проявляется в обеспечении единства правового пространства, непосредственном регулировании процессуальных отношений, служении критерием законности процессуальных решений, интеграции международно-правовых стандартов и поддержании баланса публичных и частных интересов в уголовном процессе.

Проблема исследования заключается в наличии существенных противоречий между конституционной моделью принципов правосудия и практикой их реализации в уголовном судопроизводстве. Эти противоречия проявляются в следующих аспектах:

- неполноте и непоследовательности законодательного закрепления механизмов реализации принципов;
- различиях в толковании содержания принципов различными субъектами правоприменения.
- недостаточности ресурсного обеспечения реализации принципов на практике.
- расхождений между формальным провозглашением принципов и их фактическим соблюдением в процессе отправления правосудия.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом практики реализации конституционных принципов на различных стадиях уголовного процесса, выявлением конкретных проблем и разработкой предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Особого внимания заслуживает вопрос о роли судебных правовых позиций в формировании единообразной практики применения конституционных принципов в уголовном судопроизводстве.

Глава 2 Отражение и реализации конституционных принципов правосудия в нормах уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и судебной практике

2.1 Законность: пределы усмотрения законодателя и правоприменителя в уголовном процессе

Во второй главе данного исследования осуществляется переход от теоретического осмысления конституционных принципов правосудия, рассмотренных в первой главе, к анализу их практического воплощения в нормах уголовно-процессуального законодательства и судебной практике. Если первая глава была посвящена раскрытию понятийного аппарата, системы и юридической природы этих принципов, а также их функций в механизме уголовно-процессуального регулирования, то вторая глава сосредоточена на анализе содержания конкретных норм уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики. Такой подход позволяет проверить, насколько хорошо в реальности соблюдаются конституционные принципы правосудия. Он выявляет слабые места и проблемы в работе правоохранительных органов и судов.

Фундаментом практического этапа работы выступает аналитический обзор, включающий изучение научной литературы и детальный анализ нормативно-правовых актов. От тщательности и глубины его проведения напрямую зависят качество, обоснованность и научная ценность работы.

Теоретический материал позволяет сформировать концептуальную основу исследования, в то время как эмпирический – проанализировать практику реализации конституционных принципов в уголовном судопроизводстве.

Поиск и анализ научного материала требуют от исследователя не только навыков работы с информационными ресурсами, но и развитого критического мышления, умения анализировать, синтезировать и систематизировать

значительные массивы данных. Ключевое значение имеет способность дифференцировать авторитетные научные источники, опираться на актуальные исследования и аутентично интерпретировать полученные сведения. В контексте данной работы рассматриваются основные аспекты поиска, отбора и анализа теоретического и эмпирического материала, составляющие основу для качественного выполнения магистерской диссертации.

К основным методам сбора информации относится работа с ведущими научными электронными библиотеками, такими как:

- Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (<https://www.elibrary.ru/>);
- Электронно-библиотечная система «Лань» (<https://e.lanbook.com/>);
- Электронно-библиотечная система Znanium (<https://znanium.ru/>);
- Национальная электронная библиотека (<https://rusneb.ru>).

Для работы с рецензируемыми научными статьями наиболее релевантными ресурсами являются открытая научная библиотека «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>) и авторитетные профильные журналы по юриспруденции.

Ценным источником информации также выступают профильные базы данных и институциональные репозитории ведущих юридических вузов и факультетов, которые предоставляют доступ к диссертациям, монографиям, сборникам статей и материалам конференций.

Теоретическую основу исследования составили труды ведущих отечественных ученых в области конституционного и уголовно-процессуального права, а также комплекс нормативных правовых актов Российской Федерации, в первую очередь:

- Конституция Российской Федерации;
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации;
- Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»;

- Постановления и определения Конституционного Суда РФ, формирующие правовые позиции по вопросам реализации принципов правосудия.

Значительный вклад в разработку проблематики внесли такие авторы, как С.А. Муромцев, В.В. Лазарев, В.С. Афанасьев и другие.

Исследование подтвердило, что конституционные принципы правосудия – это закрепленные в Конституции Российской Федерации основополагающие идеи, обладающие высшей юридической силой. Они определяют сущность и содержание судебной власти в России, формируя единую систему взаимосвязанных элементов. Их правовая природа проявляется в нормативности, универсальности, верховенстве и прямом действии.

Несмотря на то, что система конституционных принципов правосудия является единой и взаимообусловленной, выбор для детального анализа в рамках данной магистерской диссертации именно законности, осуществления правосудия только судом, независимости судей, а также состязательности и равноправия сторон является не случайным, а методологически и научно обоснованным.

Законность является универсальным, общеправовым принципом, на котором строится все уголовно-процессуальное право. Его анализ позволяет оценить всю систему уголовно-процессуального законодательства на предмет соответствия Конституции.

Осуществление правосудия только судом – это краеугольный камень судебной власти. Его исследование напрямую связано с проблемами разграничения полномочий между органами уголовного преследования и судом, с вопросами исключительной компетенции суда на принятие окончательных решений по делу (например, признание виновным, применение меры пресечения в виде заключения под стражу). Это принцип, отграничивающий судебную деятельность от иных форм государственного принуждения.

Независимость судей – гарантия реализации всех остальных принципов. Без независимого суда бессмысленны и состязательность, и гласность, и равенство сторон. Его анализ затрагивает самые острые проблемы судебной практики: внешнее и внутреннее давление, коррупционные риски, механизмы обеспечения независимости и их эффективность в реалиях современной России.

Состязательность и равноправие сторон – это основа модели уголовного процесса в Российской Федерации. Исследование данного принципа позволяет проанализировать ключевой дисбаланс современного судопроизводства: соотношение обвинения и защиты. Это принцип, который находится в постоянном развитии и является предметом многочисленных споров и реформ.

Таким образом, указанные принципы представляют собой фундаментальную основу конституционной модели правосудия. Их комплексное исследование позволяет провести глубокий и проблемно-ориентированный анализ, поскольку именно эти начала в наибольшей степени определяют сущность и механизм уголовного процесса.

Рассматривая общую картину реализации конституционных принципов в уголовном процессе, закономерно обратиться прежде всего к принципу законности. Именно он выступает фундаментальной основой, на которой строится все уголовное судопроизводство и которая обеспечивает действенность других правовых начал.

В классических работах таких авторов как Е.В. Рябцевой, подчеркивается, что правосудие по своей природе немислимо вне строгого соблюдения закона, а сам принцип законности является системообразующим для всего уголовного судопроизводства [70].

В отечественной правовой науке длительное время господствовало узко-нормативное понимание законности, согласно которому она рассматривалась исключительно как требование неукоснительного соблюдения законов и подзаконных актов всеми участниками правовых отношений. Такой подход,

как справедливо отмечает К.Б. Калиновский, характеризовался отсутствием внимания к содержанию законов и служил теоретическим оправданием «узаконенного произвола» в периоды политических репрессий [25]. В рамках этого подхода законность сводилась к «правовой дисциплине» и не ставила под сомнение законность любых нормативных актов, исходящих от государства, даже если они грубо нарушали права человека.

Более современные исследования, например, монография В.С. Латыпова [39], акцентируют внимание на функции содействия правосудию как элементе, обеспечивающем реальное равенство сторон и преодоление асимметрии в их возможностях по доказыванию, что напрямую связано с обеспечением законности.

Тем не менее, в современной науке уголовного процесса сохраняется методологический раскол между доктринальным и догматическим подходами к пониманию принципов права. Сторонники догматического подхода настаивают на том, что принципами права могут признаваться только идеи, нашедшие формальное закрепление в законодательстве. Напротив, представители доктринального подхода утверждают, что принципы права формируются прежде всего в правовой доктрине и могут существовать независимо от их законодательного признания [24].

Это противостояние имеет непосредственное значение для понимания принципа законности. Если исходить из догматического подхода, то законность следует понимать исключительно как требование соблюдения действующих нормативных предписаний. Доктринальный подход позволяет наполнить принцип законности содержательным компонентом, связывая его с идеями справедливости, правовой определенности и уважения прав человека.

Анализ статьи 7 УПК РФ [84] выявляет серьезный недостаток в формулировке принципа законности. Норма возлагает обязанность исполнения предписаний закона только на суд, прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя, оставляя за рамками регулирования других участников уголовного процесса [26]. Такой подход создает концептуальную

проблему, поскольку принцип законности должен иметь универсальный характер и распространяться на всех без исключения субъектов уголовно-процессуальных отношений.

В контексте усмотрения правоприменителя особый интерес представляет позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в ряде постановлений. Так, в Постановлении от 06.05.2025 № 19-П по делу гражданина М.С. Жукова Суд указал, что хотя законность и предполагает строгое соблюдение процедуры, сами процессуальные нормы должны толковаться и применяться в системной связи с конституционными принципами справедливости, состязательности и эффективной судебной защиты [24]. Это означает, что формальное соблюдение процессуальных правил не должно приводить к невозможности пересмотра ошибочного судебного акта, что умаляло бы само существо права на справедливое правосудие.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.06.2004 № 13-П является фундаментальным для понимания принципа законности [60]. Конституционный суд Российской Федерации рассматривал конституционность положений ст. 7 УПК РФ [84], которые устанавливали приоритет Кодекса над другими федеральными законами.

Суд указал, что данные положения не отменяют иерархию нормативных актов, установленную Конституцией. Приоритет федеральных конституционных законов и Конституции над обычными федеральными законами, включая УПК РФ, остается незыблемым. Суд подчеркнул, что УПК РФ основан на Конституции, а его нормы не могут ей противоречить

Это решение гарантирует, что принцип законности в уголовном судопроизводстве понимается как соблюдение всей иерархии правовых норм, где Конституция и международные договоры имеют высшую силу. Это прямое отражение ч. 2 ст. 15 и ст. 120 Конституции РФ.

Зарубежный опыт [97], в частности стран романо-германской правовой семьи, демонстрирует тенденцию к детализированному законодательному

регулированию уголовного процесса, что ограничивает произвольное усмотрение отдельных должностных лиц. Однако при этом важная роль отводится судебному прецеденту (в том числе решениям конституционных судов) в наполнении законодательных формулировок конкретным содержанием и обеспечении гибкости правоприменения. Этот опыт важен для России, поскольку показывает, что эффективный баланс между императивными нормами закона и разумным усмотрением правоприменителя достигается через активную роль судебной власти в интерпретации правовых норм.

Таким образом, принцип законности в уголовном процессе представляет собой многоаспектную категорию. В его содержании традиционно выделяют несколько взаимосвязанных элементов:

- требование к законодателю четко и непротиворечиво закреплять в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации все основные правила судопроизводства;
- обязанность всех участников процесса (органов дознания, следствия, прокуратуры и суда) строго соблюдать эти правила на всех стадиях процесса;
- недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ст. 75 УПК РФ);
- установление системы процессуальных санкций и механизмов проверки для устранения допущенных нарушений.

Ключевой проблемой является взаимодействие этого принципа с усмотрением законодателя и правоприменителя. Усмотрение законодателя проявляется в выборе им той или иной модели правового регулирования, степени детализации процессуальных норм, установлении диспозитивных и императивных правил. Например, именно законодатель определяет, какие процессуальные нарушения являются безусловными основаниями для отмены приговора (как отсутствие подписи секретаря на протоколе в деле Жукова [56]), а какие относятся к устранимым.

Усмотрение правоприменителя (следователя, дознавателя, прокурора, судьи) осуществляется в рамках, очерченных законом. Оно необходимо для оценки доказательств по внутреннему убеждению (ст. 17 УПК РФ) [84], разрешения ходатайств, принятия решения о мере пресечения и по многим другим вопросам. Однако это усмотрение не является произвольным. Оно должно быть основано на законе, материалах дела и должно быть мотивированно, чтобы его можно было проверить на предмет соответствия требованиям законности и обоснованности.

Например, в мае 2025 следственным отделом по Автозаводскому району г. Тольятти следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Самарской области было возбуждено уголовное дело по сообщению из средств массовой информации по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ. В ходе следствия было установлено, что подозреваемый применил насилие в отношении потерпевшего в связи с совершением последним грабежа, то есть открытого хищения чужого имущества – товарной продукции, принадлежащей АО «Неотрейд» (сеть магазинов «Пеликан»), с применением неопасных для жизни и здоровья насильственных действий в отношении сотрудника магазина, попытавшегося задержать его. В связи с открывшимися обстоятельствами, окончательная квалификация содеянного произведена по п. «а» ч. 2 ст. 118 УК РФ. В отношении потерпевшего выделены материалы уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

Таким образом, первоначальная квалификация (ч. 2 ст. 213 УК РФ) была основана на формальных признаках: насилие, примененное в общественном месте (магазин). Однако принцип законности требует не формального, а сущностного соответствия квалификации фактическим обстоятельствам дела.

Окончательная квалификация (п. «а» ч. 2 ст. 118 УК РФ) является проявлением принципа законности в его глубоком понимании. Установление того, что насилие было применено не из хулиганских побуждений, а в связи с

совершением другого преступления (грабежа), отразилось на изменение мотива совершения преступления, а соответственно и на содержание и объеме предъявленного обвинения.

Принцип законности обязывает правоприменителя не ограничиваться внешней стороной событий, а устанавливать их истинный характер и давать им правильную юридическую оценку, что является прямой реализацией требований ст. 6 УПК РФ [84] о назначении уголовного судопроизводства.

Выделение материалов в отдельное производство в отношении потерпевшего по факту грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ) – это прямое следствие не только принципа законности, но и принципа справедливости уголовного судопроизводства.

Правовая система не может допустить ситуацию, когда одно лицо (изначально потерпевший) избегает ответственности за свое явно противоправное действие только потому, что в отношении него было применено насилие. Такой подход нарушал бы базовые представления о законности.

Как верно отмечает С.И. Кривошеев, справедливость в уголовном процессе достигается не устранением усмотрения, а его обузданием через систему процессуальных гарантий и судебного контроля [36].

Таким образом, анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет выявить ряд устойчивых проблем в реализации конституционного принципа законности в уголовном судопроизводстве.

Нередко формальное соблюдение всех процессуальных требований вступает в противоречие с задачей достижения истины и обеспечения прав участников процесса. Яркой иллюстрацией этой проблемы служит упомянутое дело М.С. Жукова. Апелляционная инстанция возвратила дело в суд первой инстанции для служебной проверки фактов нарушений при составлении протокола судебного заседания (отсутствие сведений о секретаре, о заменах и другие), расценив их как препятствие для апелляционного разбирательства.

Хотя последующая проверка установила, что, несмотря на технические ошибки, протокол достоверно отражал ход заседания, сам факт такого возврата породил вопрос о соразмерности процессуальной реакции допущенным нарушениям. Это свидетельствует о том, что чрезмерный формализм может использоваться для затягивания процесса и ухода от рассмотрения дела по существу, что противоречит не только принципу законности, но и принципу разумного срока судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) [84].

Часть 3 ст. 7 УПК РФ [84] прямо запрещает использовать доказательства, полученные с нарушением федерального закона. Однако на практике возникает сложный вопрос о том, является ли всякое, даже самое незначительное, нарушение безусловным основанием для признания доказательства недопустимым. В теории науки уголовно-процессуального права дискуссионным является вопрос о введении доктрины «процессуальной экономии» или соразмерности, которая позволила бы суду в определенных случаях не исключать доказательство, если нарушение было малозначительным и не затрагивало фундаментальные права обвиняемого (например, право на защиту) [72]. Отсутствие ясных критериев в данной области ведет к непоследовательным судебным решениям и увеличивает свободу усмотрения суда. В условиях отсутствия единого подхода это создает угрозу для самого принципа законности.

Законодатель не в состоянии предусмотреть все возможные ситуации, возникающие в практике, что неминуемо приводит к необходимости наделить правоприменителя определенной свободой усмотрения. Однако, как справедливо отмечает А.Е. Белоусова, неопределенность границ этого усмотрения создает риски произвола и нарушения принципа равенства всех перед законом и судом [6]. Например, решение следователя о возбуждении уголовного дела или выборе меры пресечения, оценка судом доказательств по внутреннему убеждению – все эти действия должны быть не только законными, но и обоснованными. Отсутствие четких, законодательно

закрепленных критериев обоснованности решений делает их уязвимыми для субъективизма и нарушает системность правоприменения.

Для устранения выявленных проблем предлагается разработать и внести следующие изменения.

Во-первых, целесообразно дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации нормами, усиливающими судебный контроль на досудебных стадиях. В частности, необходимо расширить перечень процессуальных решений, требующих судебного санкционирования, включив в него отдельные следственные действия, связанные с получением цифровых доказательств и данных электронных способов коммуникаций. Это позволит обеспечить реализацию принципа осуществления правосудия только судом на всех этапах процесса

Во-вторых, следует законодательно закрепить механизмы обеспечения действительной состязательности на стадии предварительного расследования. Для этого необходимо предоставить защите равные с обвинением права по собиранию доказательств, а также установить процедуру раскрытия доказательств обвинения перед защитой в установленные сроки. Данные меры будут способствовать реализации принципа состязательности, провозглашенного в статье 15 УПК РФ [84].

В-третьих, анализ статьи 7 УПК РФ выявил серьезный недостаток в формулировке принципа законности. Норма возлагает обязанность исполнения предписаний закона только на суд, прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя, оставляя за рамками регулирования других участников уголовного процесса [30].

Целесообразно внести изменения в статью 7 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Уголовное судопроизводство осуществляется на основе принципа законности, который требует от всех участников уголовного процесса точного и неуклонного соблюдения и исполнения Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права,

международных договоров Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов, соответствующих идеям справедливости и правовой определенности».

Данная формулировка расширяет круг адресатов требования законности, конкретизирует иерархию нормативных предписаний и вводит содержательные критерии оценки соответствия правовых актов.

Изменение нормативной базы должно сопровождаться развитием правоприменительной практики, обеспечивающей приоритет конституционных принципов.

Например, для судебных органов предлагается разработать и применить разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся единообразного толкования принципа законности при оценке доказательств, полученных с нарушением уголовно-процессуального закона.

Для органов предварительного расследования необходимо внедрить ведомственные инструкции, регламентирующие порядок обеспечения участия защиты в следственных действиях на ранних стадиях расследования. Эти инструкции должны предусматривать уведомление защитника о проведении действий в срок, позволяющий ему реально участвовать в процессе, и обеспечивать своевременное предоставление материалов дела для ознакомления.

Для органов прокуратуры целесообразно усилить надзор за соблюдением конституционных принципов на досудебных стадиях, уделяя особое внимание законности избрания мер пресечения и соблюдению сроков расследования. Прокурорам следует активнее использовать право на отмену незаконных решений органов дознания и предварительного следствия, руководствуясь статьей 29 УПК РФ.

Таким образом, анализ принципа законности в уголовном процессе раскрывает его сложную, многогранную природу и наличие серьезных проблемных аспектов в его практической реализации. Законность не сводится к простому соблюдению буквы закона; она представляет собой динамический

принцип, требующий от правоприменителя постоянного поиска баланса между формальным соблюдением процедуры и достижением материальной справедливости, между необходимостью обеспечить единство правоприменения и предоставлением разумного усмотрения для учета обстоятельств конкретного дела.

2.2 Осуществление правосудия только судом и независимость судей: проблемы обеспечения на досудебных и судебных стадиях

Переходя от анализа принципа законности к исследованию других фундаментальных основ правосудия, особого внимания заслуживают конституционные принципы осуществления правосудия только судом и независимости судей. Эти принципы, закрепленные в статьях 47 и 118 Конституции РФ, образуют институциональный каркас судебной власти в России и выступают необходимым условием реализации рассмотренных ранее процессуальных гарантий. Если принцип законности устанавливает общие требования к порядку судопроизводства, то анализируемые принципы определяют субъектный состав и институциональные условия осуществления правосудия, создавая структурные предпосылки для справедливого разбирательства [101].

Принцип осуществления правосудия только судом имеет глубокие исторические корни в отечественном праве. Его становление связано с Судебной реформой 1864 года [30]. Судебная реформа, как отмечает И.М. Коваль, стала поворотным моментом в истории российского правосудия. До реформы судебная система характеризовалась сословностью, коррупцией, формализмом и зависимостью от административной власти. Суды были интегрированы в административную систему, а губернаторы могли отменять их решения. Это прямо противоречило принципам независимости судей и осуществления правосудия только судом. Реформа радикально изменила эту ситуацию, введя:

- отделение судебной власти от исполнительной;
- создание независимых судебных органов (мировые суды, окружные суды, судебные палаты);
- введение принципов несменяемости судей, что стало ключевой гарантией их независимости.

В советский период данный принцип претерпел существенные изменения – наряду с судами правосудие осуществляли и другие органы, такие как чрезвычайные специальные суды. Как отмечает В.М. Большакова в своем исследовании [8], в первые годы советской власти произошел радикальный разрыв с дореволюционной судебной системой. Декретом о суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 года были упразднены все существовавшие судебные установления, включая окружные суды, судебные палаты и Сенат. Этот принцип упразднения старой судебной системы, как отмечает исследователь, имел в большей степени идеологическое значение и демонстрировал решимость новой власти создать принципиально иную систему правосудия.

Исторический опыт свидетельствует, что формальное провозглашение принципов независимости судей и осуществления правосудия только судом недостаточно для их реального обеспечения. Как показано в исследовании, даже при конституционном закреплении этих принципов их реализация может существенно ограничиваться политическими и идеологическими факторами.

Современное понимание принципа осуществления правосудия только судом сформировалось с принятием Конституции РФ 1993 года и основывается на идее монополии судебной власти на отправление правосудия.

Принцип независимости судей также прошел сложный путь развития в российской правовой системе. Исторически в России независимость судебной власти всегда была относительной.

Как отмечает В.М. Лебедев [40], независимость судебной власти обеспечивает ее самостоятельность в системе разделения властей и отправление правосудия в соответствии с законом в отсутствие какого-либо

внешнего давления. Однако исторический опыт России свидетельствует о значительных сложностях в практической реализации этих принципов. Развивает эту мысль И.Б. Михайловская, говоря о том, что эта проблема уходит корнями в советский период, когда судебная система была полностью интегрирована в партийно-государственный аппарат [46].

К началу судебной реформы 1990-х годов у нашей страны отсутствовал исторический опыт построения подлинно независимого и сильного суда, что существенно осложняло процесс реформирования. В советский период, несмотря на формальное провозглашение независимости судей в Конституции СССР 1936 года, партийный аппарат и органы юстиции обладали серьезными рычагами давления на правосудие.

Современное содержание этого принципа раскрывается в трудах таких процессуалистов, как Т.Г. Морщаковой [47], которая определяет независимость судей как систему правовых, организационных и экономических гарантий, позволяющих судье принимать решения исключительно на основе закона и внутреннего убеждения. Важный вклад в развитие этого принципа внес Конституционный Суд РФ, указавший в Постановлении от 25.03.2024 № 12-П [59], что независимость судей является не личной привилегией, а общественным интересом, обеспечивающим правовую защищенность граждан.

Содержательный анализ принципа осуществления правосудия только судом раскрывает его многогранную природу. Согласно позиции В.М. Лебедева [40], данный принцип включает несколько взаимосвязанных аспектов: исключительное право суда на применение государственного принуждения в уголовном процессе; запрет на создание чрезвычайных судов; прерогативу суда на окончательное разрешение вопросов вины и наказания. Особое значение имеет то, что только суд может признать лицо виновным в совершении преступления и назначить уголовное наказание, что закреплено в статье 49 Конституции РФ и конкретизировано в уголовно-процессуальном законодательстве.

Для обеспечения независимости судей в уголовном судопроизводстве законодательством предусмотрена система гарантий, которые можно классифицировать видам, представленным в таблице.

Таблица 4 – Гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве

Вид гарантий	Содержание	Правовое закрепление
Институциональные	Разделение властей, самостоятельность судебной власти	Ст. 10 Конституции РФ
Процессуальные	Установленная законом процедура осуществления правосудия	Гл. 2 УПК РФ
Статусные	Неприкосновенность судей, несменяемость	Ст. 121-122 Конституции РФ
Материальные	Финансирование судов из федерального бюджета	ФЗ "О судебной системе РФ"

Вместе с тем, в научной литературе отмечаются проблемы обеспечения независимости судей и реализации принципа осуществления правосудия только судом в условиях современной России [29]. Анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет выявить ряд проблемных аспектов в реализации данных принципов на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса.

На досудебных стадиях серьезную проблему представляет сохранение элементов обвинительного уклона, когда следователи и дознаватели воспринимают суд не как независимый орган правосудия, а как участника уголовного преследования. Это проявляется в практике направления судам ходатайств об избрании мер пресечения, производстве следственных действий, которые заведомо предполагают положительное решение, основанное не на оценке доказательств, а на ведомственной солидарности. Как отмечает процессуалист Л.В. Головкин, подобные практики подрывают саму

суть независимого правосудия, превращая суд в элемент обвинительной системы [37].

На судебных стадиях проблемным аспектом остается обеспечение действительной, а не только формальной независимости судей. В частности, сохраняется проблема внутренней зависимости судей от председателей судов и вышестоящих инстанций, что может влиять на принимаемые решения. Исследование А.В. Цихоцкого [91] показывает, что система оценки работы судей через статистические показатели (число отмененных приговоров, сроки рассмотрения дел) создает скрытые механизмы давления, побуждающие судей принимать решения, которые не будут вызывать нареканий у вышестоящих инстанций. Это особенно актуально для уголовного судопроизводства, где решения суда затрагивают фундаментальные права и свободы личности.

Еще одной значимой проблемой является обеспечение независимости судей при рассмотрении дел с значительным общественным резонансом. Как отмечает Е.Б. Абросимова [2], в таких случаях на судей может оказываться давление как со стороны средств массовой информации, так и со стороны иных государственных органов, что создает угрозу принятия решений под влиянием общественных настроений, а не на основе закона и доказательств. Эта проблема особенно остро стоит в условиях развития цифровых технологий и социальных сетей, которые многократно усиливают возможность воздействия на судебский корпус.

Так, в июле 2024 года следственным отделом по Автозаводскому району города Тольятти следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Самарской области было возбуждено уголовное дело по сообщению из средств массовой информации по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации. В феврале 2025 года уголовное дело с утвержденным прокурором обвинительным заключением было направлено в Автозаводский районный суд города Тольятти. В связи с широким резонансом, на судью, принявшего уголовное дело к своему производству, оказывается давление как со стороны

медиа, так и со стороны участников процесса, ввиду их известности в узких кругах.

Ситуация демонстрирует классическое нарушение принципа независимости судей (ст. 120 Конституции РФ [34], ст. 8 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 N 3132-1» [19]), который предполагает, что при осуществлении правосудия судья подчиняется только закону и не может быть подвержен какому-либо внешнему воздействию.

Широкий резонанс и освещение в СМИ создают атмосферу «суда толпы» [7], где общественное мнение пытается подменить собой беспристрастную юридическую оценку доказательств. Это создает для судьи серьезное психологическое давление и угрозу того, что решение будет оцениваться не с правовой, а с медийной точки зрения.

Данные обстоятельства напрямую противоречат правовой позиции, выраженной В.М. Лебедевым: независимость судей обеспечивает отправление правосудия «в отсутствие какого-либо внешнего давления» [40].

Кроме того, особого внимания заслуживает проблема взаимодействия принципов осуществления правосудия только судом и независимости судей с другими конституционными положениями. Речь идет прежде всего о балансе между независимостью судей и их ответственностью за принимаемые решения. Как справедливо отмечает Конституционный Суд РФ в ряде своих определений, независимость судей не означает их безответственность, однако механизмы такой ответственности должны быть тщательно сбалансированы, чтобы не превращаться в инструмент давления на судей [57]. Это особенно важно в контексте дискуссий о необходимости повышения ответственности судей за грубые нарушения закона при отправлении правосудия.

Зарубежный опыт демонстрирует различные подходы к обеспечению данных принципов. В странах англосаксонской правовой семьи (Великобритания, США) независимость судей обеспечивается через развитую систему судебного самоуправления и традиции уважения к судебной власти.

Как отмечает И.А. Субботин [78], несмотря на различия в моделях (от сильного верховенства парламента в Великобритании до мощного судебного конституционного контроля в США и Канаде), общим подходом является сочетание независимости судейского корпуса, обеспечиваемой несменяемостью, с системой сдержек и противовесов на этапе их назначения, где участвуют как исполнительная, так и законодательная власть. Это создает баланс между независимостью судей и их подотчетностью перед обществом и законом.

В странах континентальной Европы (Германия, Франция) акцент делается на законодательном закреплении гарантий независимости и создании специальных органов судейского сообщества.

Д.О. Теплова [81] заметила, что несмотря на разные модели уголовного судопроизводства, обе страны приходят к сходным целям: созданию сильных институтов для защиты независимости судей и расширению доступа к конституционному правосудию. Введение в Германии конституционной жалобы для каждого гражданина и во Франции – опосредованной жалобы через Государственный совет или Кассационный суд [102] является прямым примером того, как принцип осуществления правосудия только судом усиливается, предоставляя гражданам инструмент для оспаривания законов, нарушающих их права, и тем самым укрепляя верховенство судебной власти в интерпретации права.

Интересен опыт стран Восточной Европы (Польша, Чехия), где после распада социалистической системы были созданы новые конституционные модели, сочетающие элементы различных правовых семей.

А.Н. Медушевский выделяет несколько ключевых аспектов, характерных для посткоммунистических трансформаций в регионе [42] и конкретными сложностями в реализации ключевых правовых принципов – независимости судей и осуществления правосудия только судом. Они стали прямым следствием более глубоких, системных проблем посткоммунистического перехода:

- формальное право опережало политическую и правовую культуру;
- старые элиты сохранили влияние и пытались контролировать все ветви власти, включая судебную;
- слабое гражданское общество не могло стать противовесом этому давлению;
- ключевые судебные процессы (люстрация, приватизация) были настолько политизированы, что ставили суды в центр политической борьбы [99].

Этот опыт важен для России, так как показывает возможность построения эффективной системы гарантий судебной независимости в условиях переходного периода.

Решение проблем реализации принципа независимости судей и осуществления правосудия только судом требует комплексного подхода, сочетающего правовые, институциональные и социокультурные меры. Основываясь на анализе научных исследований и международного опыта, можно выделить следующие ключевые направления и предложения [103].

Так, одним из решений преодоления проблем в реализации принципов осуществления только судом и независимости судей может послужить разработка судебскими сообществами рекомендаций при рассмотрении ходатайств следствия об избрании мер пресечения. Эти рекомендации должны включать правила оценки обоснованности таких ходатайств и критерии принятия решений, исключающие влияние внешних факторов.

Статистические критерии оценки работы судей (например, процент отмененных решений) должны быть пересмотрены, чтобы избежать давления на судей при принятии решений. Вместо этого предлагается акцент на качестве и обоснованности судебных актов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что в России создана комплексная система гарантий независимости судебной власти, обеспечивающая как институциональную независимость суда, так и личную независимость судей. Однако, как отмечает В.М. Лебедев [40],

развитие и модернизация этих гарантий в соответствии с современными реалиями и запросами гражданского общества остается безусловным приоритетом в работе Верховного Суда Российской Федерации.

2.3 Состязательность и равноправие сторон: роль прокурора и защиты

Согласно статье 123 Конституции Российской Федерации, судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон [34]. Данный принцип имеет особое значение для уголовного процесса, поскольку определяет модель построения всего производства по уголовному делу – от стадии предварительного расследования до исполнения приговора.

В контексте уголовно-процессуального регулирования состязательность предполагает четкое разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, которые не могут быть возложены на один и тот же орган или должностное лицо.

Формально следователь, дознаватель и прокурор называются стороной обвинения, однако фактически они остаются органами, осуществляющими уголовное судопроизводство, то есть субъектами власти. В руках следователя, дознавателя и прокурора в досудебном производстве концентрируются полномочия обвинителя и органа, принимающего юрисдикционные решения о применении мер принуждения, о легализации доказательств, отводе участников процесса, разрешении дела по существу путем его прекращения. Такое положение не способствует обеспечению действительного равноправия сторон, поскольку защитник сталкивается с властными полномочиями представителей стороны обвинения, а не с равным себе участником процесса.

Прокурор в уголовном процессе и вовсе занимает двойственное положение. С одной стороны, он является государственным обвинителем и представляет сторону обвинения, с другой – на него возложена функция надзора за законностью на досудебных стадиях процесса. Это создает

определенный конфликт интересов, поскольку прокурор, будучи стороной в процессе, одновременно должен осуществлять объективный надзор за действиями следователя и дознавателя. Как отмечает В.А. Лазарева в монографии «Прокурор в уголовном процессе» [38], такое совмещение функций подрывает принцип состязательности, поскольку прокурор де-факто выступает и как сторона, и как арбитр в досудебном производстве.

В контексте состязательности прокурор должен не просто стремиться к обвинительному приговору, но обеспечивать всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Это включает в себя обязанность проверять и учитывать доводы и доказательства, представленные защитой, отказываться от обвинения при его недоказанности и обеспечивать соблюдение процессуальных прав всех участников процесса. Однако, как показывает практика, обвинительный уклон по-прежнему доминирует в деятельности многих прокуроров, что нарушает баланс сторон и искажает саму суть состязательного процесса.

Защитник, в свою очередь, призван использовать все предусмотренные законом средства и способы защиты для выявления обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность. Эффективность деятельности защитника напрямую зависит от объема его процессуальных прав и возможности их реального осуществления.

Как отмечается в исследовании Е.В. Цветкова «К вопросу неравенства при реализации защитником уголовно-процессуального принципа состязательности сторон», защитники, назначаемые государством, зачастую не имеют достаточной мотивации и ресурсов для полноценного осуществления защиты, что создает неравенство между сторонами и ставит под сомнение действительную состязательность процесса [89].

Равноправие сторон обеспечивает возможность обвинения и защиты на равных основаниях представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, участвовать в исследовании доказательств и судебных прениях. Анализ содержания и практики реализации данного принципа позволяет

выявить как достижения российского законодателя в построении демократического уголовного процесса, так и системные проблемы, требующие дальнейшего совершенствования процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Сравнительный анализ моделей состязательности в различных правовых системах позволяет выявить как общие тенденции, так и национальные особенности. В англо-саксонской системе (США, Великобритания) состязательность носит ярко выраженный характер, где стороны активно ведут расследование и представляют доказательства, а суд выполняет роль пассивного арбитра [78]. В континентальной системе (Германия, Франция) суд сохраняет более активную роль в установлении истины, что несколько смягчает чисто состязательный подход [81].

Российская модель состязательности, закрепленная в УПК РФ, формально тяготеет к континентальной традиции, но на практике сталкивается с проблемами, унаследованными от инквизиционного прошлого. Как заметил С.А. Шейфер, российский процесс находится в состоянии переходности, где формальное провозглашение состязательности не всегда подкрепляется соответствующими процедурами и правовой культурой участников процесса [94].

Таким образом, принцип состязательности и равноправия сторон представляет собой сложный и многогранный институт, имеющий фундаментальное значение для обеспечения справедливого правосудия. Его конституционное закрепление создает прочную основу для развития уголовно-процессуального законодательства и практики. Однако, как показывает анализ, между формальным провозглашением принципа и его практической реализацией существует значительный разрыв, особенно на досудебных стадиях процесса.

Как справедливо отмечает В.Н. Гапонова, конституционные принципы правосудия представляют собой закрепленные в Основном законе основополагающие правовые положения, определяющие порядок

осуществления уголовно-процессуальной деятельности, выражающие ее наиболее существенные черты и свойства, гарантирующие права и законные интересы участников процесса и обеспечивающие достижение задач уголовного судопроизводства [16]. Принцип состязательности и равноправия сторон непосредственно связан с другими конституционными принципами правосудия – прежде всего, с независимостью судей и осуществлением правосудия только судом, что создает необходимые предпосылки для объективного и беспристрастного разрешения уголовного дела.

Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2024 № 58-П затрагивает ключевые аспекты состязательности и права на справедливое судебное разбирательство. Гражданка М.В. Золотарева оспаривала конституционность п. 1 ч. 4 ст. 413 и ч. 3 ст. 414 УПК РФ, которые регулируют пересмотр приговоров по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, в частности, после принятия решения Конституционным судом Российской Федерации [57].

Нормы УПК РФ создавали правовую неопределенность и потенциально блокировали для лица, в пользу которого вынесено решение КС РФ, возможность пересмотра оправдательного приговора, вынесенного в отношении другого лица, но нарушающего права заявителя.

Хотя в данном конкретном деле КС РФ не признал оспариваемые нормы неконституционными, он детально проанализировал коллизию между принципом правовой определенности (незыблемости вступивших в законную силу судебных решений) и правом на эффективную судебную защиту и восстановление нарушенных прав. Суд указал, что законодателю необходимо устранить существующий пробел в регулировании.

Данное дело иллюстрирует сложность реализации принципа состязательности (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) на стадии надзорного производства. Правовая позиция КС РФ направлена на поиск баланса между различными конституционными ценностями и стимулирует законодателя к

совершенствованию процессуальных механизмов для обеспечения подлинного равноправия сторон даже на поздних стадиях процесса.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2025 № 10 детализирует содержание ст. 10 УК РФ и ст. 54 Конституции РФ, устанавливающих, что закон, устраняющий или смягчающий ответственность, имеет обратную силу [61].

Пленум ВС РФ дал расширительное толкование понятию «иным образом улучшающий положение лица». К таким законам были отнесены не только те, что напрямую смягчают наказание, но и те, что:

- сокращают сроки давности привлечения к уголовной ответственности и погашения судимости;
- исключают квалифицирующие признаки;
- вводят новые основания освобождения от уголовной ответственности.

Это разъяснение гарантирует реализацию конституционного принципа справедливости и гуманности (ст. 21 Конституции РФ) на практике. Суд обязывают применять максимально благоприятный для обвиняемого (осужденного) закон во всех аспектах, а не только в вопросе вида и размера наказания. Это пример прямого действия конституционного принципа через толкование уголовно-процессуальных норм высшей судебной инстанцией.

В мае 2025 года следственным отделом по Автозаводскому району г. Тольятти следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Самарской области было возбуждено уголовное дело по факту совершения несовершеннолетним лицом преступления, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ. На предварительном следствии адвокатом было заявлено несколько ходатайств. В одном из них защитник ходатайствовал о приобщении к материалам уголовного дела собранного им характеризующего материала в отношении своего подзащитного – справки-характеристики с места жительства, справки-характеристики от тренера, сведения, подтверждающие высокие достижения подозреваемого в профессиональном

спорте. В другом защитник просил о проведении комплексной психолого-психиатрической экспертизы с постановкой узкоспециализированных вопросов. Указанные ходатайства были удовлетворены по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ доказательствами по делу являются любые сведения, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Личность подозреваемого является обязательным обстоятельством, подлежащим доказыванию в соответствии с п. 2 ст. 73 УПК РФ. Характеризующие данные свидетельствуют о его положительных социально-психологических качествах, устойчивом образе жизни, добропорядочном отношении к трудовым обязанностям, семье и обществу, что может быть учтено судом при индивидуализации уголовной ответственности и назначении вида и меры наказания.

Ходатайство о приобщении характеризующих материалов – это прямое действие защиты по реализации своего права на представление доказательств (ст. 86 УПК РФ). В делах о несовершеннолетних значение таких материалов многократно возрастает (ст. 421 УПК РФ обязывает следствие исследовать условия жизни и воспитания).

Действия защитника в данной ситуации – это проявление принципа равенства сторон (защита не просто формально существует, а реально активна и ее аргументы принимаются во внимание).

Также, согласно ч. 1 ст. 196 УПК РФ, назначение экспертизы является обязательным, если требуется определить психическое или физическое состояние лица, когда возникают сомнения в его способности осознавать характер своих действий или руководить ими на момент совершения инкриминируемого деяния, а также в его адекватности в ходе судопроизводства

Ходатайство защиты мотивировано необходимостью надлежащей оценки и всестороннего установления обстоятельств дела. Данные обстоятельства имеют существенное значение для правильного разрешения дела, в том числе для квалификации действий обвиняемого, определения его вменяемости (ст. 21 УК РФ) или возможности применения принудительных мер медицинского характера (ст. 433 УПК РФ).

Назначение комплексной экспертизы обусловлено необходимостью всестороннего исследования психического состояния лица с привлечением специалистов разного профиля (психиатров и психологов), что соответствует требованиям ст. 201 УПК РФ.

Вопросы, предложенные стороной защиты для экспертов, соответствуют целям экспертизы и не выходят за пределы профессиональной компетенции специалистов (ст. 57, ст. 204 УПК РФ). Их разрешение необходимо для устранения неопределённости в установлении ключевых для дела фактов.

В данном случае, экспертиза – это инструмент для проверки версии защиты о влиянии на действия подзащитного каких-либо психофизиологических особенностей, аффекта, что могло бы повлиять на квалификацию (например, перевод с умысла на неосторожность) или смягчить наказание.

Кроме того, в отношении несовершеннолетнего такая экспертиза помогает установить уровень психического развития, способность в полной мере осознавать фактический характер своих действий – что является обязательным элементом доказывания по делам этой категории.

Пример показывает, как адвокат, используя предоставленные ему Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации права (заявлять ходатайства, представлять доказательства), активно формирует свою позицию и доказательственную базу, фактически заставляя следствие проверить свою версию.

В то же время, реализация права на предоставление доказательств защитником носит декларативный характер.

Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ, защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов. Однако для приобщения полученных материалов к делу требуется установление их допустимости в качестве доказательств, что в каждом конкретном случае предполагает проведение индивидуальной правовой оценки.

К документам, истребуемым защитником, предъявляются требования, аналогичные критериям допустимости для «иных документов» как источника доказательственной информации. Такие документы (например, справки из государственных органов, характеристики, договоры) должны соответствовать формальным признакам официальной документации: обладать необходимыми реквизитами и иметь свойство порождать определенные юридические последствия.

Предметы, включая фото-, аудио- и видеоматериалы, могут быть приобщены к делу при условии подтверждения правомерности их приобретения защитником, то есть законности способа получения.

Особый характер носит оценка сведений, полученных защитником в результате опроса лиц с их согласия. Поскольку уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует процедуру такого опроса и не устанавливает требований к фиксации его результатов, полученная информация не обладает статусом показаний. Следовательно, она не может быть признана допустимым доказательством без последующего вызова и допроса данного лица в суде в установленном порядке.

Таким образом, в результате своей деятельности защитник получает не доказательства в процессуальном смысле, а лишь материалы, содержащие информацию, которая потенциально может быть преобразована в доказательства при соблюдении ряда предусмотренных законом условий. Как

справедливо отмечает К.Б. Калиновский, частно-исковой подход в теории на деле оборачивается нарушением равноправия сторон [25].

Для совершенствования реализации принципа состязательности необходимо усиление гарантий процессуальных прав защиты на досудебных стадиях, включая расширение возможностей по самостоятельному собиранию доказательств и обеспечению их приобщения к делу. В целях устранения выявленных проблем предлагается разработать и внести следующие изменения в нормативные правовые акты федерального уровня.

Во-первых, целесообразно дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации нормами, усиливающими судебный контроль на досудебных стадиях. В частности, необходимо расширить перечень процессуальных решений, требующих судебного санкционирования, включив в него отдельные следственные действия, связанные с получением цифровых доказательств и данных электронных способов коммуникаций. Это позволит обеспечить реализацию принципа осуществления правосудия только судом на всех этапах процесса.

Во-вторых, следует законодательно закрепить механизмы обеспечения действительной состязательности на стадии предварительного расследования. Для этого необходимо предоставить защите равные с обвинением права по собиранию доказательств, а также установить процедуру раскрытия доказательств обвинения перед защитой в установленные сроки. Данные меры будут способствовать реализации принципа состязательности, провозглашенного в статье 15 УПК РФ.

Таким образом, только через комплекс мер, направленных на укрепление позиции защиты и обеспечение действительного, а не формального равноправия сторон, можно достичь реализации конституционного принципа состязательности в его истинном значении.

Ключевым выводом второй главы исследования является констатация системной взаимосвязи конституционных принципов правосудия и их комплексного влияния на уголовное судопроизводство. Анализ показал, что,

несмотря на их прямое закрепление в УПК РФ, каждый принцип сталкивается с проблемами реализации, требующими дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

В контексте принципа законности выявлена диспропорция между широким усмотрением правоприменителя, особенно на досудебных стадиях, и необходимостью обеспечения единообразия юридической оценки. Установлено, что разрешению данной коллизии способствовала бы детализация процессуальных норм и усиление роли судебного толкования.

Исследование принципа осуществления правосудия только судом и независимости судей подтвердило наличие рисков избыточного влияния органов предварительного расследования на формирование судебной позиции, а также необходимость усиления гарантий неприкосновенности судейской деятельности от внешнего и внутреннего давления.

Относительно принципа состязательности и равноправия сторон сделан вывод о сохраняющемся дисбалансе процессуальных возможностей стороны обвинения и защиты, что актуализирует задачу по реформатированию роли прокурора в сторону более объективного участника процесса и расширению реальных инструментов защиты.

Эффективная реализация конституционных принципов правосудия зависит от их синхронного развития, что предполагает не только точечные изменения УПК РФ, но и формирование единообразной судебной практики, ориентированной на приоритет прав и свобод личности в уголовном процессе.

Глава 3 Направления совершенствования реализации конституционных принципов правосудия в уголовно-процессуальном праве

3.1 Устранение нормативных противоречий и пробелов, препятствующих полной реализации принципов правосудия

Проведенное в первых двух главах исследования позволило выявить системные проблемы в реализации конституционных принципов правосудия в уголовном судопроизводстве. Теоретический анализ подтвердил их основополагающую роль и прямодействующий характер, а изучение норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и судебной практики показало наличие существенных расхождений между конституционной моделью правосудия и ее практическим воплощением. Ключевой причиной данного дисбаланса выступают нормативные противоречия и пробелы, создающие препятствия для последовательного применения принципов правосудия на всех стадиях уголовного процесса.

Настоящая глава посвящена разработке направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, ориентированных на устранение выявленных правовых дефектов. Задача заключается в том, чтобы на основе анализа научных трудов и сложившейся судебной практики предложить конкретные меры по преодолению коллизий и восполнению пробелов, которые подрывают верховенство права и снижают эффективность судебной защиты.

В научной доктрине проблемам совершенствования законодательства уделялось значительное внимание. Так, И.Л. Петрухин в работе «Правосудие: время реформ» акцентирует внимание на необходимости гармонизации уголовно-процессуальных норм с конституционными предписаниями, указывая на важность детализации процессуальных процедур для ограничения

произвольного усмотрения правоприменителей [53]. А.В. Смирнов в своих исследованиях системы уголовного процесса последовательно доказывает, что многие пробелы порождены фрагментарным подходом законодателя к реформированию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что нарушает системность правового регулирования [74]. В.М. Лебедев в монографиях, посвященных судебной власти, обосновывает ключевую роль Верховного Суда РФ в формировании единообразной практики, способной компенсировать законодательные недочеты через толкование правовых норм [2].

Особого внимания заслуживает позиция Н.Н. Балагуровой, которая в цикле статей о прямом действии Конституции анализирует механизмы непосредственного применения конституционных норм судами для преодоления пробелов в отраслевом законодательстве [5]. Вопросы обеспечения единства правового пространства и роли Конституционного Суда РФ в разрешении нормативных коллизий глубоко исследованы в трудах М.А. Митюкова [22].

Таким образом, для системного анализа выявленных проблем и выработки адресных мер предлагается следующая классификация нормативных противоречий и пробелов, основанная на их природе и уровне возникновения в правовой системе. В основу классификации положены работы ведущих процессуалистов, включая М.С. Строговича [77], [76], разработавшего теорию уголовно-процессуальных функций, и Н.Н. Полянского [55], исследовавшего системные связи в уголовном судопроизводстве. Современное развитие эта классификация получила в трудах А.В. Смирнова [74], анализирующего коллизии принципов состязательности и публичности, и Т.Г. Морщаковой [47], уделяющей внимание изучению противоречий между целями процесса и средствами их достижения. Рассмотрим основные виды дефектов правового регулирования, препятствующих полной реализации конституционных принципов правосудия.

Во-первых, это деонтические противоречия, то есть ситуации, когда правила, определяющие, что нужно делать, кажутся противоречащими друг другу.

Согласно традиционному подходу в международном праве, которого придерживается и доктрина внутригосударственного права, «нормативный конфликт» возникает, когда две нормы «указывают на разные направления» или «две правила или принципы предлагают разные пути решения проблемы» [9]. В уголовном процессе это проявляется в нескольких формах:

- строгий конфликт возникает, когда одна норма предписывает определенное действие, а другая запрещает то же самое действие. Например, норма, обязывающая следователя немедленно приступить к расследованию (ч. 1 ст. 156 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), может конфликтовать с нормой, запрещающей производство следственных действий в ночное время (ч. 3 ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), если событие преступления установлено ночью;
- потенциальный конфликт имеет место, когда одна норма запрещает действие, а другая позволяет его (или наоборот). Ярким примером является противоречие между общедозволительным характером гражданского права и разрешительным – уголовно-процессуального, когда лицо, не связанное с делом, формально имеет право не давать показания, но Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обязывает его быть допрошенным в качестве свидетеля.

Во-вторых, функциональные, или целевые, противоречия. Доктор Ка Лок Ип [101] справедливо отмечает, что традиционный подход, опирающийся только на деонтическую логику, недостаточен. Важнейшим является контекст и цели норм. Две нормы могут быть логически несовместимы, но преследовать совместимые цели и потому сосуществовать.

В уголовном праве и процессе функциональные (целевые) противоречия возникают, когда реализация одних задач и функций правовой системы

препятствует достижению других или ведет к нарушению установленных правовых ограничений.

В уголовном судопроизводстве это иллюстрируется соотношением цели быстрого и эффективного расследования (например, проведение обыска по «горячим следам») и цели обеспечения неприкосновенности частной жизни. Формально они могут указывать на разные действия, но их конечные цели – установление истины и защита прав личности – являются совместимыми и взаимодополняющими в рамках правового государства. Конфликт становится ощутимым лишь при нарушении баланса, например, когда эффективность достигается ценой грубого нарушения процедуры.

В-третьих, это пробелы законодательной техники, которые представляют собой недостаточную регламентацию правовыми нормами определённых общественных отношений, процессов или событий. Причиной их возникновения является неполный учёт законодателем всех значимых аспектов в процессе нормотворчества. Выражает в:

- неполноте правового регулирования, то есть ситуациях, когда законодатель не предусмотрел все необходимые процедуры для реализации конституционного принципа. Например, принцип состязательности (ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) провозглашен, но механизм реального равноправия сторон на досудебных стадиях, особенно в части доступа защиты к доказательствам, регламентирован фрагментарно;
- использовании оценочных категорий, то есть закреплении понятий, содержание которых раскрывается только в правоприменительной практике («разумный срок», «достаточность доказательств», «незаконное давление»). Как отмечается в научной литературе, такие категории, будучи необходимыми, создают риск произвольного толкования, если не подкреплены четкими критериями, выработанными высшими судами [13].

В-четвертых, это системные пробелы, которые возникают из-за рассогласованности между различными уровнями правового регулирования.

Так, пробелы в конституционном обеспечении прав и свобод человека напрямую влияют и на уголовный процесс. Например, отсутствие детализированного порядка реализации права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок до внесения соответствующих изменений в законодательство было таким системным пробелом.

Выявленные и классифицированные дефекты носят не только теоретический, но и сугубо прикладной характер, проявляясь на практике в виде правовой неопределенности, нарушения прав граждан и снижения эффективности правоприменения. Это обуславливает необходимость перехода к выработке конкретных мер по их устранению и преодолению.

Для преодоления неполноты законодательного закрепления механизмов реализации принципов необходима более детальная регламентация в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации процедурных аспектов. Несмотря на декларативное закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации принципа состязательности и равноправия сторон (ст. 15), назначения уголовного судопроизводства (ст. 6) и права на защиту (ст. 16), данные нормы носят общий характер. На стадии предварительного расследования они вступают в системное противоречие с конкретными нормами, предоставляющими следователю широкое усмотрение. Это создает структурный дисбаланс в пользу стороны обвинения, что нарушает конституционную модель правосудия, основанную на равных процессуальных возможностях сторон, а потому требует внесения изменений, конкретизирующих процессуальные инструменты защиты и уравнивающие процессуальные возможности сторон. Рассмотрим конкретные предложения по изменению законодательства.

В статье 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закреплено, что «следователь вправе провести очную ставку при наличии существенных противоречий в показаниях». На практике это порождает

отсутствие обязанности провести очную ставку по ходатайству защиты, даже при очевидных противоречиях, что лишает защиту эффективного инструмента для изобличения оговора и проверки показаний.

Для обеспечения прямого действия конституционных принципов предлагается дополнить норму положением об обязательности проведения очной ставки не только по инициативе следователя, но и по ходатайству стороны защиты, если в показаниях имеются существенные противоречия либо лицо дает показания против обвиняемого. Это обеспечит реальное равенство сторон в проверке доказательств.

Статья 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает исчерпывающий перечень случаев обязательного назначения судебной экспертизы, что приводит к отказу в назначении экспертизы, ходатайствуемой защитой для установления иных обстоятельств (например, в сложных экономических делах), даже когда без специальных познаний невозможно установить истину.

Целесообразно дополнить статью положением об обязательном назначении судебной экспертизы по ходатайству стороны защиты, если для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), требуются специальные познания. Это особенно актуально для преступлений в сфере экономики.

Кроме того, по смыслу статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следует, что реализация прав подозреваемого (на привлечение конкретного эксперта, внесение вопросов, присутствие при экспертизе) зависит от разрешения следователя, что по своей сути превращает процессуальные права защиты в декларативные. Следователь получает законную возможность блокировать активную деятельность защиты по формированию доказательственной базы.

Необходимо заменить разрешительный характер прав подозреваемого на уведомительный или согласительный. Например, право присутствовать при

производстве экспертизы или давать объяснения эксперту должно быть обеспечено, а отказ следователя – мотивирован и может быть обжалован.

Таким образом, одной из ключевых проблем является ограниченная возможность защиты по сбору доказательств – как по запросу, так и самостоятельно. В настоящее время доказательства, собранные защитником самостоятельно, имеют статус «иных документов», что не гарантирует их приобщения к материалам уголовного дела. Для решения этой проблемы предлагается закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации обязательный порядок приобщения к делу документов, собранных защитой, приравняв их по процессуальному статусу к доказательствам при условии соблюдения порядка получения. Это позволит ликвидировать существующий правовой пробел и создать реальную возможность для формирования защиты своей позиции до суда.

Другой значимой проблемой выступает несвоевременное ознакомление защиты с материалами уголовного дела. Несмотря на положения ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, на практике этот процесс часто искусственно затягивается стороной обвинения, что создает системные препятствия для реализации права на защиту.

Конкретные способы затягивания процесса ознакомления могут включать:

- использование следствием процедурных формальностей, отказывая в удовлетворении ходатайства о предоставлении дополнительного времени для ознакомления под предлогом необходимости соблюдения процессуальных сроков предварительного следствия;
- ограничение следствием доступа к материалам уголовного дела, предоставляя защите возможность ознакомления лишь с частью материалов дела под предлогом того, что иные материалы находятся на экспертизе, приобщаются к делу, или их ознакомление может повлиять на ход расследования;

- применение тактики «процессуальной чехарды», когда следователь формально предоставляет возможность ознакомления, но непосредственно перед началом процесса объявляет о необходимости производства неотложных следственных действий, выезда на место происшествия или выполнения иных процессуальных операций, что приводит к многократному переносу ознакомления.

Для решения проблемы предлагается установить четкие и сокращенные сроки для выполнения требований об ознакомлении с материалами дела, предусмотрев процессуальные санкции за их нарушение. Это будет способствовать реализации принципа равноправия и недопущению затягивания процесса с обеих сторон.

Предложенные меры по преодолению нормативных дефектов, нарушающих принцип состязательности, создают методологическую основу для решения следующей ключевой проблемы - обеспечения принципа законности. Если состязательность нарушается из-за неравенства процессуальных возможностей сторон, то законность страдает от несовершенства самого правового регулирования.

Основными препятствиями для реализации принципа законности выступают правовая неопределенность и системные противоречия в нормах, что создает условия для произвольного применения закона. Для разработки эффективных способов устранения дефектов права важно понимать их природу и виды. В докторской диссертации Ю.В. Францифорова «Противоречия уголовного судопроизводства» проведено фундаментальное исследование этого вопроса [11]. Автор классифицирует противоречия по нескольким основаниям:

- внутрисистемные и межсистемные;
- диалектические и формально-логические.

Внутрисистемные противоречия – это коллизии между нормами внутри уголовно-процессуального права. Например, противоречие между общей

декларацией о равноправии сторон (ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) и специальными нормами, предоставляющими следователю дискреционные полномочия (ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Эти противоречия могут проявляться как:

- несоответствие между принципами и конкретными нормами;
- конкуренция специальных норм, регулирующих один институт;
- различное регулирование одинаковых процедур в разных главах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Межсистемные противоречия возникают между нормами уголовно-процессуального права и других отраслей. Например, коллизии между Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации в вопросах исполнения приговора. После изменений в ст. 72 Уголовно кодекса Российской Федерации (ФЗ-186 от 03.07.2018 [85]) возник вопрос: в каком порядке суду следует рассматривать ходатайства о зачете срока – по правилам п. 11 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (зачет времени) или п. 13 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (смягчение наказания из-за обратной силы закона).

Диалектические противоречия отражают объективное развитие правового регулирования и служат источником совершенствования уголовного процесса. Они выражаются в:

- противоречии между необходимостью эффективной борьбы с преступностью и защитой прав личности;
- коллизии между публичными и частными интересами в уголовном судопроизводстве;
- противоположности целей быстрого и качественного расследования.

Так, с одной стороны, уголовное судопроизводство носит публично-правовой характер (ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Государство в лице органов следствия и дознания обязано возбуждать уголовные дела и принимать все меры к установлению события

преступления и лиц, виновных в его совершении, независимо от воли потерпевшего.

С другой стороны, существует диспозитивное начало – право потерпевшего на примирение с обвиняемым (ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). По делам частного и частно-публичного обвинения производство может быть прекращено за примирением сторон, даже если объективно преступление имело место.

Это противоречие является движущей силой развития уголовно-процессуального права, поскольку заставляет законодателя постоянно искать баланс между интересами государства в обеспечении правопорядка, правами личности на самостоятельное распоряжение своими правами и необходимостью экономии процессуальных ресурсов.

Формально-логические противоречия являются результатом технических ошибок законодателя.

Например, коллизия в определении подследственности. Статья Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает правила распределения дел между следователями. Статья 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает особый порядок возбуждения дел в отношении отдельных категорий лиц. Поскольку нормы не согласованы между собой, это приводит к спорам о подследственности.

Таким образом, обеспечение законности требует установления четких, единообразных и непротиворечивых правил процедуры для всех участников уголовного судопроизводства. Это первоочередной способ, направленный на предупреждение и устранение противоречий на законодательном уровне. Ю.В. Францифоров определяет нормотворчество как ключевой инструмент разрешения коллизий, который должен обеспечивать непротиворечивость и системность уголовно-процессуального законодательства [87]. На практике это выражается во внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации для ликвидации выявленных пробелов и коллизий,

например, детализации оснований для обязательного проведения следственных действий (очной ставки, назначения экспертизы) по ходатайству защиты.

Вместе с этим, судебные органы играют критически важную роль в преодолении правовых дефектов непосредственно в процессе правоприменения. Суды общей юрисдикции обязаны активно устранять противоречия в доказательствах, что является частью их деятельности по постановлению законного и обоснованного приговора. Как отмечает А.Ю. Астафьев, суд не может ограничиться констатацией противоречий, а должен предпринять меры для их объективной проверки и разрешения [4].

Однако сама судебная система сталкивается с системными нормативными противоречиями, которые подрывают реализацию конституционных принципов осуществления правосудия только судом и независимости судей. К числу наиболее существенных можно отнести противоречие между формальной и фактической ролью суда в досудебном производстве.

Несмотря на провозглашенное в ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации исключительное право суда на применение мер процессуального принуждения, фактически сохраняется модель «санкционирования» судом решений следствия. Это проявляется в отсутствии четких законодательных критериев оценки обоснованности ходатайств о избрании мер пресечения, что создает условия для «обвинительного уклона» и внешнего влияния на судей.

Следует дополнить главу 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нормой, устанавливающей конкретные критерии оценки обоснованности ходатайств следствия, включая:

- требования к доказательственной базе;
- правила оценки рисков уклонения от следствия;
- критерии соразмерности избираемой меры пресечения.

Также, использование статистических показателей (процент отмененных решений, количество рассмотренных дел) для оценки работы судей прямо противоречит принципу независимости, закрепленному в ст. 120 Конституции Российской Федерации и ст. 9 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации». Это создает систему косвенного давления на судей при принятии решений, особенно по делам, имеющим публичный резонанс.

Вместе с этим, отсутствие законодательного запрета на использование «статистических критериев» при оценке работы судей создает нормативный вакуум, позволяющий осуществлять неправомерное влияние на судебную деятельность.

Решением данной проблемы могло бы стать создание типовых регламентов Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в сфере оценки качества работы судей, исключающий количественные показатели, влияющие на существо принимаемых решений.

Поскольку в законодательстве отсутствуют действенные механизмы противодействия практике «целевого» распределения дел, когда особо значимые дела направляются конкретным судьям, что создает риски оказания неправомерного влияния на правосудие, необходимо внедрение автоматизированного распределения дел – законодательно закрепить принцип случайного распределения дел с использованием специализированных информационных систем, исключающих возможность целевого назначения дел конкретным судьям, а также дополнить главу 3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нормами, упрощающими процедуру заявления отводов при наличии объективных оснований сомневаться в беспристрастности суда.

Таким образом, реализация указанных мер позволит устранить нормативные противоречия между конституционными принципами и их отраслевым воплощением, создать действенные механизмы обеспечения реальной независимости судей, обеспечить единообразие судебной практики.

Проведенный анализ подтверждает, что устранение выявленных дефектов правового регулирования имеет не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение для становления подлинно независимой судебной власти в России. Предложенные решения направлены на обеспечение системного действия конституционных принципов правосудия через синтез законодательных изменений и совершенствование правоприменительной практики. Дальнейшее исследование перспективно в направлении разработки конкретных механизмов реализации предложенных изменений и анализа их эффективности в правоприменительной практике, что подтверждает научную и практическую значимость проведенного исследования.

3.2 Формирование правоприменительных подходов, обеспечивающих приоритет конституционных принципов в деятельности органов уголовного преследования и судов

Устранение нормативных противоречий и пробелов, рассмотренное в предыдущем параграфе, представляет собой необходимое, но недостаточное условие для обеспечения действительного верховенства конституционных принципов правосудия. Эффективность любых законодательных изменений находится в прямой зависимости от сложившейся правоприменительной практики и профессионального правосознания субъектов уголовного процесса. В этой связи возникает реальная потребность в формировании единообразных правоприменительных подходов, которые обеспечивали бы непосредственное действие конституционных норм в повседневной деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и судов.

Настоящий параграф посвящен анализу конкретных механизмов и методик, направленных на реализацию конституционных стандартов правосудия на всех стадиях уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется разработке критериев оценки правоприменительных решений с

позиций их соответствия требованиям справедливого судебного разбирательства, созданию эффективных форм судебного контроля за деятельностью органов уголовного преследования, а также развитию системы ведомственного контроля и процессуального руководства, ориентированных на приоритет прав и свобод личности.

В основу формирования единообразных правоприменительных подходов может быть положена система методов мониторинга и критериев оценки, которые адаптируются для нужд уголовного судопроизводства.

Сплошной мониторинг позволяет получить полную картину практики применения уголовно-процессуального закона в определенной сфере (например, по делам о преступлениях в сфере экономики). А.В. Нечкин, В.В. Руденко подчеркивают, что мониторинг правоприменения является организационно-правовым инструментом для обеспечения принятия, изменения или отмены нормативных актов [51]. Он дает общее понимание состояния правоприменения.

Как отмечает В.И. Малышева, на стадии проверки сообщения о преступлении деятельность оперативных сотрудников зачастую «не урегулирована нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что подтверждает тезис о том, что доказывание имеет место фактически, но не процессуально» [41]. Сплошной мониторинг позволяет выявить масштабы этой проблемы и стандартизировать процедуры.

Е.А. Шушеров на примере МВД показывает, что мониторинг позволяет выявлять юридико-технические ошибки и несогласованности в подзаконных актах, которые «влекут за собой более серьезные последствия» [63]. В контексте экономических преступлений это особенно актуально из-за сложности пересекающихся норм.

Таким образом, на основе выборочного мониторинга практики можно разработать и законодательно закрепить четкие критерии оценки обоснованности ходатайств следствия (например, о заключении под стражу, о

проведении следственных действий), ориентируясь на принципы законности и соразмерности.

Выборочный мониторинг используется для глубокого изучения конкретной проблемы, выявленной в ходе сплошного мониторинга (например, единообразия судебных решений по ходатайствам об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу).

Ярким объектом для выборочного мониторинга служит практика применения заключения под стражу (ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Исследования показывают, что здесь существует значительная проблематика, которую можно вскрыть именно целенаправленным, а не общим мониторингом.

Как отмечает Д.О. Чернявский, существует значительный перекося в пользу заключения под стражу по сравнению с домашним арестом. Он приводит статистические данные: «... домашний арест применяется в 13 раз (!) реже, чем заключение под стражу. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что положение ст. 108 УПК, предусматривающей применение заключения под стражу только в крайних случаях, реализуется не полностью» [93]. Такой вывод стал возможен благодаря целенаправленному анализу и сопоставлению конкретных судебных решений.

В.Ю. Стельмах в своей статье 2025 года указывает на пробел в правоприменении, который требует детального изучения: органы следствия и суды обязаны детально разъяснять, в чем выражались насилие или угроза его применения, даже если они не являются признаками состава преступления. Отсутствие такого описания, по ее мнению, должно влечь отказ в удовлетворении ходатайства [75]. Выборочный мониторинг постановлений судов позволяет установить, насколько единообразно и обоснованно соблюдается это требование на практике.

К.С. Рыжков подчеркивает, что «обеспечение единообразного толкования и применения норм права является одной из важнейших задач, стоящих перед судебной системой» [69]. Однако он же указывает на проблему:

различия в основаниях для отмены судебных актов в разных инстанциях создают неопределенность. Выборочный мониторинг кассационной и надзорной практики позволяет оценить, насколько эффективно вышестоящие суды выполняют задачу по устранению разногласий.

Вместе с этим, выборочный мониторинг – это не просто сбор примеров, а целенаправленное исследование, основанное на анализе судебных актов, статистики и научных комментариев. Такой мониторинг позволяет проанализировать, как выполняются разъяснения высших судов, выявить региональные особенности правоприменения и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации может проводить сплошной мониторинг практики рассмотрения жалоб на действия следователей и дознавателей. Результатом этого могут стать детализированные рекомендации для судов нижестоящих инстанций, обеспечивающие более эффективный и единообразный судебный контроль на досудебных стадиях.

Конкретные цели и задачи, поставленные для сплошного, выборочного или глубинного наблюдения, напрямую диктуют перечень необходимых данных. Источники данных для анализа включают в себя судебные акты, результаты обжалований, материалы прокурорского реагирования, а также обращения граждан и профессиональных участников судопроизводства.

Судебные акты являются краеугольным камнем для анализа, поскольку содержат официальную аргументацию и окончательные выводы суда по конкретному делу. Анализ судебных актов позволяет выявлять правовые позиции судов по определенным категориям дел, отслеживать тенденции и формировать прогнозы по итогам рассмотрения споров. Для работы с ними созданы специализированные государственные и коммерческие системы. Наиболее репрезентативными являются официальные базы данных, такие как ГАС «Правосудие» (содержит около 199,5 млн актов судов общей юрисдикции) и «Мой арбитр» (сфокусирована на арбитражных спорах, в базе

36 млн актов) [1]. Крупные коммерческие системы (например, «Консультант Плюс», «Гарант») также предоставляют обширные базы судебных решений и их аналитические обработки.

Результаты обжалования (апелляционные, кассационные и надзорные определения) показывают, насколько стабильна и обоснована практика судов первой инстанции. Эти документы также публикуются в указанных выше системах. Особую ценность имеют обзоры судебной практики, которые регулярно готовит и публикует на своем официальном сайте Верховный Суд Российской Федерации.

Материалы прокурорского реагирования представляют собой независимую оценку законности на разных стадиях процесса. К ним относятся протест (на незаконный правовой акт), представление (об устранении нарушений закона), постановление (о возбуждении дела об административном правонарушении) и предостережение о недопустимости нарушения закона. Эти документы позволяют анализировать правоприменительную практику не только судов, но и органов предварительного расследования, выявляя типичные нарушения в досудебном производстве.

Обращения граждан и профессиональных участников (адвокатов, юристов) являются важным источником информации о «болевых точках» правоприменения, поскольку часто сигнализируют о пробелах в законодательстве, сложностях в применении тех или иных норм и случаях нарушения прав на практике.

Таким образом, Генеральная прокуратура и Следственный комитет РФ могут использовать анализ жалоб и результатов судебного обжалования для создания внутренних инструкций и систем ведомственного контроля, которые будут напрямую ориентированы на приоритет прав личности, а не на ведомственную статистику.

Определение круга источников мониторинга закономерно приводит к вопросу о том, по каким параметрам следует оценивать содержащуюся в них информацию. Ключевые критерии оценки эффективности практики, на

которые можно ориентироваться при разработке стандартов, включают законность, обоснованность и юридическую целесообразность решений.

Проведенный анализ показал, что формирование единообразных правоприменительных подходов является ключевым условием обеспечения приоритета конституционных принципов в уголовном судопроизводстве. Предложенные механизмы - система мониторинга правоприменительной практики, разработка критериев оценки решений органов уголовного преследования и судов, а также совершенствование ведомственных стандартов – образуют комплексный инструментарий для достижения фактического, а не формального действия конституционных норм. Реализация этих мер позволит преодолеть разрыв между декларируемыми принципами и практикой их применения, обеспечивая тем самым реальную защиту прав личности в уголовном процессе.

В третьей главе исследования были разработаны основные направления совершенствования реализации конституционных принципов правосудия в уголовно-процессуальном праве. Анализ показал, что эффективное обеспечение действия конституционных принципов требует комплексного подхода, сочетающего два взаимосвязанных направления: устранение нормативных противоречий и пробелов и формирование единообразных правоприменительных подходов.

Предложенная система мер – от законодательных изменений до совершенствования методик правоприменения – носит практико-ориентированный характер и направлена на создание действенных механизмов реализации конституционной модели правосудия. Результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что преодоление дисбаланса между конституционными принципами и их отраслевым воплощением возможно через синхронное развитие законодательства и правоприменительной практики, что составляет перспективное направление дальнейших научных изысканий.

Заключение

Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели и получить ряд значимых выводов, подтверждающих выдвинутую гипотезу о системно-фрагментарном характере отражения конституционных принципов правосудия в уголовно-процессуальном праве России.

Конституционные принципы правосудия представляют собой совокупность основополагающих идей, обладающих высшей юридической силой и прямым действием, которые определяют сущность и содержание осуществления правосудия. Верховенство Конституции обеспечивает единство правового пространства, а прямое действие её норм позволяет применять принципы правосудия непосредственно при разрешении конкретных уголовных дел.

Вместе с тем, анализ выявил существенные противоречия между конституционной моделью принципов правосудия и практикой их реализации в уголовном судопроизводстве. Эти противоречия проявляются в неполноте законодательного закрепления механизмов реализации, различиях в толковании содержания принципов и расхождениях между их формальным провозглашением и фактическим соблюдением.

Каждый принцип сталкивается с проблемами реализации: принцип законности требует усиления роли судебного толкования для преодоления избыточного усмотрения правоприменителя; принципы независимости судей и осуществления правосудия только судом нуждаются в дополнительных гарантиях против внешнего влияния; а состязательность сторон – в устранении дисбаланса процессуальных возможностей обвинения и защиты.

Эффективная реализация конституционных принципов правосудия зависит от их синхронного развития, что предполагает не только точечные изменения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но и формирование единообразной судебной практики, ориентированной на приоритет прав личности.

В этой связи методологической основой совершенствования правового регулирования должен стать комплексный подход, сочетающий два взаимосвязанных направления: устранение нормативных противоречий и пробелов, а также формирование единообразных правоприменительных подходов.

Разработанная система практико-ориентированных мер – от законодательной коррекции до совершенствования методик правоприменения – подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что преодоление дисбаланса между конституционными принципами и их отраслевым воплощением возможно через синхронное развитие законодательства и правоприменительной практики, что составляет перспективное направление дальнейших научных изысканий.

Таким образом, выполненное исследование вносит вклад в развитие теории уголовного процесса и конституционного права, а его результаты могут быть использованы в нормотворческой деятельности, судебной практике и дальнейших научных изысканиях в сфере совершенствования уголовного судопроизводства на основе неуклонного соблюдения конституционных принципов правосудия.

Список используемой литературы и используемых источников

1. 10 интернет-ресурсов для поиска судебных актов российских судов // Moscow Digital School // [Электронный ресурс] URL: <https://mosdigitals.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Абросимова Е.Б. Судебная власть: конституционные отражения // СКО. 2010. № 5 (78). // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-vlast-konstitutsionnye-otrazheniya> (дата обращения: 04.09.2025).
3. Апостолова Н.Н. Справедливость как основа возрождения России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-kak-osnova-vozhrozhdeniya-rossii> (дата обращения: 04.09.2025).
4. Астафьев А.Ю. Об обязанности суда устранять противоречия в доказательствах // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 1. С. 71-79.
5. Балагурова Н.Н. Прямое действие Конституции Российской Федерации: Проблемы определения // Вестник ЧелГУ. 2012. № 37 (291). // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pryamoe-deystvie-konstitutsii-rossiyskoj-federatsii-problemy-opredeleniya> (дата обращения: 04.09.2025).
6. Белоусов А.Е. О понятии правосудия по уголовным делам // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2 (21). С. 191-198.
7. Бобров В.М. Суд присяжных: «суд толпы» или «суд справедливости» / В.М. Бобров, А.А. Моисеева // Modern Science. 2020. № 12-4. С. 194-199.
8. Большакова В.М. Принципы организации советской судебной системы (по законодательству 1917-1938 годов) // Новый ракурс. 2020. № 3. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiyu->

organizatsii-sovetskoj-sudebnoy-sistemy-po-zakonodatelstvu-1917-1938-godov (дата обращения: 11.09.2025).

9. Бреев А.В. О становлении политико-правовых взглядов П.И. Стучки // Управленческое консультирование. 2015. №10 (82). // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stanovlenii-politiko-pravovyh-vzglyadov-p-i-stuchki> (дата обращения: 14.09.2025).

10. Васильев С.В. Верховенство Российской Конституции: к вопросу о проблемных аспектах понятия // Московский юридический журнал. 2020. № 2. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verhovenstvo-rossiyskoj-konstitutsii-k-voprosu-o-problemnyh-aspektah-ponyatiya> (дата обращения: 14.09.2025).

11. Вивчарук К.Г. Электронное судопроизводство: отечественный опыт – достоинства и недостатки. // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 15-19.

12. Виноградова С.А. Принципы правосудия как основа судебной деятельности: автореферат дис. кандидата юридических наук : 12.00.11 / Виноградова Станислава Анатольевна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. Москва, 2017. 22 с.

13. Выскребцев Б.С. Действие принципов справедливости и состязательности на стадии подготовки к судебному заседанию // Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)» // [Электронный ресурс] URL: <https://www.susu.ru/ru/dissertation/d-21229819/vyskrebcev-bogdan-sergeevich> (дата обращения: 11.09.2025).

14. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на заседании Клуба имени Д.Н. Замятина по теме: «Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность» // [Электронный ресурс] URL: <https://www.ssrp.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/42272> (дата обращения: 11.09.2025).

15. Гаврилова Ю.А. Интегративная концепция права: от философско-юридического дуализма к синтезу в смысловой теории // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 4. №1. С. 88-93.

16. Гапонова В.Н. Реализация конституционных принципов в уголовном судопроизводстве России в ходе выполнения отдельных следственных действий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-konstitutsionnyh-printsipov-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii-v-hode-vypolneniya-otdelnyh-sledstvennyh-deystviy> (дата обращения: 07.09.2025).

17. Грязнова Т.Е. Право как ценность: взгляд российских юристов рубежа XIX-XX веков // История государства и права. 2024. № 1. С. 50-56.

18. Гурдин С.В. Назначение уголовного судопроизводства / С.В. Гурдин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 60-66.

19. Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 N 3132-1 (в ред. от 27.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

20. Зангиев М.А.-С. Конституционные принципы правосудия и их реализация в отраслях права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-1 // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-printsipy-pravosudiya-i-ih-realizatsiya-v-otraslyah-prava> (дата обращения: 21.09.2025).

21. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография / В.Д. Зорькин. - 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2023. 448 с.

22. Из истории создания Конституции Российской Федерации: конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990-1993 гг.): [в 6 томах] / Фонд конституционных реформ ; под общ. ред. О.Г. Румянцева. Том Т.6. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. 1120 с.

23. Изварина А.Ф. Развитие и совершенствование действующей судебной системы России: монография / А.Ф. Изварина. - Ростов-на-Дону : РГЭУ (РИНХ), 2010. 328 с.

24. История суда и правосудия в России [коллективная монография], в 9 т. История конституционного правосудия в России [монография] / В.А. Кряжков, М.А. Митюков; ответственный редактор В.М. Сырых. 2022. 663 с.

25. Калиновский К.Б. Проблемы реализации принципа состязательности в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию Башкирского государственного университета. Часть. 1. Уфа : РИО БашГУ, 2004. С. 94-98.

26. Калиновский К.Ю. Законность и типы уголовного процесса: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09. - Санкт-Петербург, 1999. 21 с.

27. Карташова И.И. Проблема терминологии принципа прямого действия Конституции РФ в сравнительном контексте // Правовая наука и реформа юридического образования. 2012. № 2 (25). С. 5-8.

28. Клеандров М.И. Правосудие и справедливость: монография / М.И. Клеандров. - Москва : Норма: ИНФРА-М, 2023. 424 с.

29. Клевец А.Р. Проблема независимости судей в российской федерации // Вестник науки. 2023. № 10 (67). // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-nezavisimosti-sudey-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 20.09.2025).

30. Коваль И.М. Судебная реформа 1864 года // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 955-963.

31. Коновалов Д.Д. Концепт конституционно-правового смысла / Коновалов Дмитрий Денисович - (Дискуссионная трибуна правовых

исследований). - Текст: непосредственный // Юридическое образование и наука. 2024. № 10. С. 35-39.

32. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для ФНО (средних учебных заведений) [Электронный ресурс] / Под ред. И.А. Умновой, И.А. Алешковой. – Москва : РАП, 2013. 382 с.

33. Конституционные основы правосудия в СССР / [Ларин А.М., Мельников А.А., Петрухин И.Л. и др.]; под ред. В.М. Савицкого. - Москва : Наука, 1981. 360 с.

34. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»

35. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. 352 с.

36. Кривошеев С.И. Справедливость в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 38-43.

37. Курс уголовного процесса: учебное пособие / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев [и др.]; под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. - Москва: Статут, 2017. 1280 с.

38. Лазарева В.А. Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов / В.А. Лазарева. - 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. 283 с.

39. Латыпов В.С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 6. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sodeystvie-pravosudiyu-kak-samostoyatel'naya-ugolovno-protsessual'naya-funktsiya> (дата обращения: 12.09.2025).

40. Лебедев В.М. Гарантии независимости судебной власти в Российской Федерации: концепция, история становления и современное состояние // Журнал российского права. 2019. № 11. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/garantii-nezavisimosti-sudebnoy-vlasti-v>

rossiyskoy-federatsii-kontseptsiya-istoriya-stanovleniya-i-sovremennoe-sostoyanie (дата обращения: 21.09.2025).

41. Малышева В.И. Особенности доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности // Скиф. 2020. № 1 (41). // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dokazyvaniya-po-ugolovnym-delam-o-prestupleniyah-sovershennyh-v-sfere-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 08.09.2025).

42. Медушевский А.Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. 2004. № 3-4 // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-tsikly-v-tsentralnoy-i-vostochnoy-evrope> (дата обращения: 21.09.2025).

43. Меркулова А.В. Верховенство Конституции Российской Федерации и проблема иерархии источников конституционного права Российской Федерации // Наука и общество: Проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире: Сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 10 июня 2024 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2024. С. 50-57.

44. Михайлова А.А. К вопросу о верховенстве Конституции Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2016. № 1 (16). С. 40-42.

45. Михайлова Е.В. О единой правовой природе гражданского, уголовного и административного судопроизводств // Вестник СамГУ. 2014. № 11-1 (122) // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-edinoy-pravovoy-prirode-grazhdanskogo-ugolovnogo-i-administrativnogo-sudoproizvodstv> (дата обращения: 01.10.2025).

46. Михайловская И.Б. Независимость судей и процессы управления в судебной системе // СКО. 2007. № 3 (60) // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-sudey-i-protsessy-upravleniya-v-sudebnoy-sisteme> (дата обращения: 10.10.2025).

47. Морщакова Т.Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы / Т.Г. Морщакова; Независимый эксперт.-правовой совет. – Москва : Р. Валент, 2004. 262 с.

48. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права / С.А. Муромцев. - Москва : Издательство Юрайт, 2025. 170 с.

49. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / В.С. Афанасьев, В.К. Бабаев, В.П. Божьев [и др.]. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Спарк, 2004. 671 с.

50. Невинская Е.В. Системообразующая функция Конституции Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Невинская Екатерина Валерьевна; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. - Екатеринбург, 2008. 24 с.

51. Нечкин А.В., Руденко В.В. Участие гражданского общества в мониторинге правоприменения в России. // Правовое государство: теория и практика. 21. 2 (80). (июл. 2025). С. 5-13.

52. Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 430-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // ИПО «Гарант».

53. Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. АН СССР. М. : Наука, 1991. 207 с.

54. Платонов А.П. Развитие взглядов о сущности функций государства в дореволюционном российском правоведении // История государства и права. 2023. № 3. С. 30-37.

55. Полянский Н.Н. Уголовный процесс: Уголовный процесс: Уголов. суд, его устройство и деятельность : Лекции Н.Н. Полянского / Моск. о-во нар. ун-тов. - Москва : т-во И.Д. Сытина, 1911. 201 с.

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.05.2025 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 74 и части третьей статьи

389.11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.С. Жукова» // СПС «КонсультантПлюс».

57. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2024 № 58-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 413 и части третьей статьи 414 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Золотаревой» // СПС «КонсультантПлюс».

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.10.2011 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко» // СПС «КонсультантПлюс».

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.03.2024 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Э. Стаценко» // СПС «КонсультантПлюс».

60. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

61. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2025 № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона» // СПС «КонсультантПлюс».

62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС «КонсультантПлюс».

63. Практическое значение мониторинга правоприменения в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Правовое управление Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области // [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/pugu78> (дата обращения: 08.09.2025).

64. Пучинский В.К. Из творческого наследия: Сборник трудов: сборник научных трудов / В.К. Пучинский. – Москва : Издательский дом «Городец», 2022. 832 с.

65. Рабзевич Е.Э. Современные судебные правовые позиции в системе уголовно-процессуального права Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 42 (437). С. 170-172.

66. Ренненкампф Н.К. Очерки юридической энциклопедии / [Соч.] Проф. Ун-та св. Владимира Н. Ренненкампфа. – Киев : Унив. тип., 1868. [4]. IV. 315 с.

67. Романенко Н.С. Виды юридического процесса (проблемы классификации) // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-yuridicheskogo-protsessa-problemy-klassifikatsii> (дата обращения: 08.09.2025).

68. Рузляев М.Ю. Две функции конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 4 (36) // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dve-funktsii-konstitutsionnogo-pravosudiya-v-subektah-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 08.09.2025).

69. Рыжков К.С. Нарушение единообразия в толковании и применении норм права как основание для отмены или изменения судебных актов по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 9. С. 52-55.

70. Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России [Текст] / Е.В. Рябцева. - 2-е изд., доп. - Москва : Юрлитинформ, 2010. 397 с.

71. Самусевич А.Г. Конституционное правоприменение и прямое действие конституции: вопросы соотношения // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2. С. 19-27.

72. Седова Г.И. Реализация принципа процессуальной экономии в российском уголовном процессе // Вестник ПАГС. 2007. № 13. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-protseessualnoy-ekonomii-v-rossiyskom-ugolovnom-protseesse> (дата обращения: 11.09.2025).

73. Селихов Д.А. Конституционные принципы правосудия в Российской Федерации / Д.А. Селихов // Перспективные гуманитарные, социальные и экономические исследования: сборник статей международной научной конференции, Мурманск, 10 декабря 2022 года. – Санкт-Петербург : ООО «Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова», 2022. С. 62-66.

74. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова; вступ. статья В.Д. Зорькина. - 9-е изд., перераб. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2026. 840 с.

75. Стельмах В.Ю. Изменения нормативной регламентации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2020. № 7. С.52-58.

76. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе [Текст] / Чл.-кор. АН СССР М.С. Строгович; Акад. наук СССР. Ин-т права им. А.Я. Вышинского. – Москва : Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. 384 с.

77. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе [Текст] / Чл.-кор. Акад. наук СССР М.С. Строгович; Акад. наук СССР. Ин-т права. - Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 191 с.

78. Субботин И.А. Англосаксонская судебная система: типичные и специфические черты (на примере систем Великобритании, США и Канады) // Скиф. 2022. № 7 (71) // [Электронный ресурс] URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/anglosaksonskaya-sudebno-pravovaya-sistema-tipichnye-i-spetsifichnye-cherty-na-primere-sistem-velikobritanii-ssha-i-kanady> (дата обращения: 30.09.2025).

79. Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: монография / отв. ред. Н.С. Бондарь. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2025. 384 с.

80. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. - 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2025. 552 с.

81. Теплова Д.О. Институт конституционных судебных гарантий Федеративной Республики Германия и Франции // Евразийская адвокатура. 2019. № 1 (38). // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-konstitutsionnyh-sudebnyh-garantiy-federativnoy-respubliki-germaniya-i-frantsii> (дата обращения: 08.09.2025).

82. Терехин В.А. Судебная власть в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод граждан: Вопросы теории и практики: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Саратов, 2001. 217 с.

83. Тихомиров Ю.А. Правоприменение: от эпизодичности к целевой результативности // Журнал российского права. 2017. № 1 (241) // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoprimerenie-ot-epizodichnosti-k-tselevoy-rezultativnosti> (дата обращения: 11.09.2025).

84. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс»

85. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 03.07.2018 N 186-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

86. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

87. Францифоров Ю.В. Противоречия уголовного судопроизводства: дис. д-р. юр. наук: 12.00.09. М., Саратов, 2007. 569 с.

88. Цацалов О.О. К вопросу о принципах правосудия как принципах судебной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-printsipah-pravosudiya-kak-printsipah-sudebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 08.09.2025).

89. Цветкова Е.В. К вопросу неравенства при реализации защитником уголовно-процессуального принципа состязательности сторон// Аграрное и земельное право. 2025. № 4. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-neravenstva-pri-realizatsii-zaschitnikom-ugolovno-protsessualnogo-printsipa-sostyazatelnosti-storon> (дата обращения: 11.09.2025).

90. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России: монография / ответственные редакторы В.А. Лаптев, О.А. Тарасенко. – Москва : Проспект, 2021. 490 с.

91. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: диссертация доктора юридических наук : 12.00.03. Новосибирск, 1998. 612 с.

92. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А.Ф. Черданцев. - Москва : Норма: ИНФРА-М, 2025. 320 с.

93. Чернявский Д.О. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы правоприменительной практики // Законность. 2020. № 10. С. 44-48.

94. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С.А. Шейфер. - 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2024. 240 с.

95. Шерстюк В.М. Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного

производства в Российской Федерации: монография / В.М. Шерстюк. – Москва : Городец, 2021. 398 с.

96. Шершеневич Г.Ф. Избранное: Сборник научных трудов / Г.Ф. Шершеневич. - Москва : Статут, 2016. 496 с.

97. Шпагина Ю.В. Особенности дифференциации уголовно-процессуальных форм в некоторых зарубежных государствах // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3 (39). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-differentsiatsii-ugolovno-protsessualnyh-form-v-nekotoryh-zarubezhnyh-gosudarstvah> (дата обращения: 21.09.2025).

98. Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации / Б.С. Эбзеев // Государство и право. 2008. № 7. С. 5-15.

99. Chris Thornhill, Maria Smirnova Litigation and political transformation: the case of Russia // Theory Soc. 2018. № 47 (5). С. 559-593.

100. Constitutional Courts and International Law: Revisiting the Transatlantic Divide // Harvard Law Review. 2016. № 5. [Электронный ресурс] URL: <https://harvardlawreview.org/print/vol-129/constitutional-courts-and-international-law-revisiting-the-transatlantic-divide> (дата обращения: 12.09.2025).

101. Ка L.Y. Reconceptualizing Norm Conflict in International Law / L.Y. // [Электронный ресурс] lieber institute: [сайт]. - URL: <https://lieber.westpoint.edu/reconceptualizing-norm-conflict-international-law> (дата обращения: 02.09.2025).

102. Nuredin Lutfiu, Besim Halimi. The Principle of Legality in International Criminal Law // Journal of Posthumanism. 2025. № 5 (2) // [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/390541291_The_Principle_of_Legality_in_International_Criminal_Law (дата обращения: 27.10.2025).

103. Peter H Solomon Judicial Power in Russia: Through the Prism of Administrative Justice // Law & Society Review. 2025. № 38 (3). С. 549-582.